

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

НАЙО

МАРШ

СНЕСТИ ЕМУ ГОЛОВУ!

Найо Марш
Снести ему голову!
Серия «Золотой век
английского детектива»
Серия «Родерик Аллейн»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69287623
Марш, Найо. Снести ему голову!: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-156417-9

Аннотация

Колоритная деревушка в английской глуши веками чтит свои традиции, главная из которых – древний и красочный ритуал «казнь Зимы», празднуемый в ночь зимнего солнцестояния. Однако традиции традициями, но когда исполнителя роли Зимы в самом деле находят обезглавленным при помощи ритуального меча, это становится чересчур для местной полиции. В игру вступает суперинтендант Родерик Аллейн – непревзойденный специалист по раскрытию преступлений, в которых все не так, как кажется на первый взгляд...

Содержание

Найо Марш	5
Глава 1. Зимнее солнцестояние	6
Глава 2. Камилла	31
Глава 3. Приготовления	63
Глава 4. Скрещенные мечи	87
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Найо Марш

Снести ему голову!

Ngaio Marsh

Off with his Head

© Ngaio Marsh Ltd, 1957

© Перевод. М. Воронежская, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

* * *

Найо Марш

Найо Марш (1895–1982) – ярчайшая звезда «золотого века» английского детектива, автор 32 романов и множества пьес. Ее имя стоит в одном ряду с такими признанными классиками жанра, как Агата Кристи и Дороти Л. Сэйерс. За свои литературные достижения она была удостоена звания дамы-командора ордена Британской империи.

Глава 1. Зимнее солнцестояние

1

В этой части Англии зимнее солнцестояние обычно сопровождалось состязанием между снегопадом и морозом, в котором оба побеждали поочередно. Покрытые инеем деревья вздрагивали под порывами северного ветра. Как правило, к четырем часам дня в Южном Мардиане все уже сидели по домам и грелись у огня.

Именно в это время у подножия крутого холма при въезде в деревню показался небольшой, похожий на жука автомобильчик; то прижимаясь к обочине, то вдруг чуть не вставая на дыбы, взбирался он по заледеневшей дороге. За рулем сидела женщина; выбившиеся из-под шарфа на голове седые пряди явно мешали ей смотреть на дорогу, и тем сильнее она вглядывалась в расчерченный на ветровом стекле полукруг. Ее руки в шерстяных варежках с такой силой вцепились в руль, что казалось, она с трудом удерживает его, а не крутит, опасаясь, как бы он не начал крутиться сам по себе. Поверх домотканого пальто дама была укутана многочисленными, непомерной длины шарфами, чем напоминала чудовищной величины кокон. В то время как ноги ее яростно

топтали педали сцепления и тормоза, она нашептывала себе под нос ободряющие слова, а временами пыталась безмятежно улыбаться.

С божьей помощью машина все же доехала до Южного Мардиана и рывком остановилась у высоченных кованых ворот. Запором им служила грубая бечевка, многократно продетая прямо сквозь узор изящной решетки. Сквозь вензеля и завитушки женщине удалось разглядеть примерно в миле на холме остов норманнского замка, торжественно пронзающий серое зимнее небо; из-за его развалин выглядывал чудовищный викторианский особняк.

Путешественница сверилась с картой. Сомнений быть не могло – перед ней был замок Мардиан. Потребовалось некоторое время, чтобы распутать затвердевшую на морозе веревку. А затем – определенные усилия, чтобы сдвинуть с места подпиравший ворота сугроб и открыть створки для проезда машины. Справившись с непростой задачей, она завела автомобиль внутрь, а затем снова вышла из машины – запереть за собой ворота.

– А к Роштеству утарил вдруг мороз! – процитировала она с легким тевтонским акцентом – в минуты особого волнения с ней это случалось. – Однако не видно никаких следов, – продолжала она говорить сама с собой, – какого-нибудь зайца или совы, благодарение богу... – С некоторых пор в кругу ее друзей выражение «благодарение богу» сделалось чем-то вроде соленого словца.

Неожиданно из-за придорожных кустов послышался пронзительный гогот, и оттуда с важным видом вывалилась стая гусей, которые, сердито крича, двинулись прямо на гостью. Та поспешила влезть обратно в машину, захлопнула дверь прямо перед их хищно раскрытыми клювами и нажала на газ. Проезжая по пустырю, она заметила краем глаза двух быков, которые с мрачным и подозрительным видом следили за машиной. Лицо женщины побледнело, но оставалось спокойным – она даже принялась напевать себе под нос песенку «Веселая карусель» из своего нового альбома «Потешки».

Когда путешественница подъехала поближе к строениям, то увидела, что для стен особняка явно использовали камень с развалин замка. «Это уже что-то», – подумала она. Преодолев последний ледяной склон, она миновала полуразрушенную норманнскую арку и очутилась во дворе. Только тогда бедолага смогла перевести дыхание.

Двор представлял собой полукруг, образованный крепостной стеной и новым домом. Тут и там громоздились кучи булыжника и буйно кустилась засохшая сорная трава. А в самой середине, на двух низких каменных колоннах, покоилась припорошенная снегом прямоугольная плита.

– Эврика! – воскликнула гостья.

На радостях она даже выпростала из-под толщи шарфов красный шелковый амулет и стала перебирать его, видимо таким образом надеясь приманить удачу. Затем поднялась

по ступенькам крыльца и стала перед парадной дверью.

Дверь эта, как с удовлетворением заметила дама, явно перекочевала сюда с руин старого замка. Вместо звонка на стене имелся колокольчик – такой увесистый, что казалось, он не может быть настоящим и служит лишь деталью железного барельефа, изображающего двух эльфов. Однако стоило до него дотронуться, как раздался звон, способный разбудить и мертвеца. Агрессивные гуси, все это время преследовавшие странную посетительницу и наконец нагнавшие ее, еще больше воодушевились и, издав воинственный клич, бросились в атаку.

Встав спиной к двери, женщина попробовала усмирить их властным взглядом. Но не тут-то было – гуси продолжали оглушительно гоготать, а самые отважные пытались – правда, безрезультатно – взобраться по ступенькам. За шумом перепуганная дама не услышала, как позади нее скрипнула дверь.

– Вот несчастье-то какое! – раздался голос у нее за спиной. – Скорее проходите – я закрою дверь. А ну кыш, проклятые!

Вслед за этим гостью быстренько втащили в дом. Спасительницей ее оказалась рыжая худощавая особа, которая теперь смотрела на нее удивленными влажными глазами.

– Вы... – начала она. – Наверное, вы... Ну да, конечно, такая погода...

– Леди Алиса Мардиан?

– А... это моя двоюродная бабушка. Ей уже девяносто четыре, и мне кажется...

Жестом, полным достоинства, гостья распахнула пальто, а затем достала из внутреннего кармана небольшую карточку.

– Я понимаю, все это неожиданно, – затараторила она. – Наверное, следовало прежде написать вам... Но если честно, мне так не терпелось, меня так мучило любопытство – даже не любопытство, а какой-то прямо охотничий азарт, – что я не могла удержаться и приехала. Просто не в силах была такое откладывать ни на день и даже ни на час! – Она замялась. Подбородок ее подрагивал. – Вы взгляните, – сказала она.

Рыжеволосая особа послушно взяла у нее карточку.

– Миссис Анна Бюнц, – прочитала она, – Общество друзей британского фольклора, гильдия древних обычаев «Конек», Варвикшир, Бэплл-на-Баккоме, ферма Мориско. Боже мой! – охнула рыжая и, помолчав, добавила: – Как бы там ни было, заходите.

Она провела визитерку через холл, где оказалось не намного теплее, чем на улице, в почти такую же холодную гостиную.

Здесь было на что посмотреть. На стенах красовались огромные – от потолка до пола – средневековые портреты, беспорядочно расставленные столы и столики были погребены под горами старых фотографий и не менее древних безделушек, выглядывали одна у другой из-за плеча многочис-

ленные статуи. В величественном камине стыдливо вился язычок пламени.

– Да вы садитесь, – неуверенно сказала рыжеволосая женщина, – миссис... э-э... Булке.

– Благодарю, но моя фамилия – Бюнц. Бюнц – через «ю»... Бю-юнц... – протянула гостя, старательно вытягивая губы трубочкой, как учитель фонетики. – Впрочем, если «ю» для вас слишком трудно, сгодится Бамс или Бумс. Главное, не надо ничего съедобного – никаких там «бу-локс»! – Она искренне рассмеялась собственной шутке, словно разговаривала со старой знакомой. – Как вы понимаете, это немецкая фамилия, – продолжала посетительница, хотя объяснений никто не требовал. – Я переехала сюда вместе с моим дражайшим – теперь уже покойным – супругом еще до войны. За это время, смею надеяться, мы уже основательно пропитались соками старой Англии. Однако, – голос миссис Бюнц дрогнул, как будто она собиралась сообщить какую-то пикантную новость, – однако вернемся к нашим баранам. Миссис... э-э...

– Мисс Мардиан, – пробормотала обладательница медной копны волос, краснея как рак.

– О, как это звучит!

– Если вы не против...

– Ну конечно, мисс Мардиан. Не забавы же ради я преодолела триста миль. Так вот, я приехала сюда специально, чтобы встретиться с вашей двоюродной бабушкой.

– Боже мой! Но она сейчас отдыхает. Боюсь, что...

– Вам, разумеется, знакома фамилия Реккейдж?

– Ну да, был такой лорд Реккейдж – кажется, он немного тронулся умом.

– Наверное, это был какой-нибудь другой Реккейдж...

– Этот уже умер. Он жил в Варвикшире, неподалеку от Бэппла.

– Гм... Значит, тот самый. Только вот что касается его психического здоровья, боюсь, что вас неправильно информировали. На самом деле он был величайшим благодетелем. Это он основал гильдию древних обычаев.

– Вот-вот. И завещал все свои деньги какому-то дурацкому обществу.

– Оно называется «Конек». Сдается мне, мисс Мардиан, что наши вкусы здорово расходятся. Тем не менее, – миссис Бюнц гордо вынула из складок свой тевтонский подбородок, – я не собираюсь отступать. Слишком многое поставлено на карту. Слишком многое.

– Боюсь, – рассеянно заметила мисс Мардиан, – что не смогу даже предложить вам чаю. Взорвался паровой котел.

– Ничего страшного. Лучше скажите мне, мисс Мардиан, чем интересуется леди Алиса? Разумеется, я понимаю, в таком преклонном возрасте...

– Тетушка Акки? О, она обожает посещать распродажи. Почти вся мебель, которую вы видите в доме, куплена ею на аукционах. В свое время огромное количество семейных

реликвий Мардианов погребло при пожаре. И вот теперь из руин старого замка она построила этот дом и обставляет его вещами, купленными на распродажах. Она просто обожает это занятие.

– О! Значит, у нее настоящий нюх на антиквариат, mein Gott!¹ – взволнованно воскликнула миссис Бюнц, дав волю тевтонскому акценту.

– Тсс! – прошипела вдруг мисс Мардиан, предостерегающе подняв палец. – Тетя Акки идет...

Она робко встала. Миссис Бюнц издала нетерпеливый вздох, затем степенно расправила пальто и тоже поднялась с места.

Дверь гостиной открылась, и на пороге показалась леди Алиса Мардиан.

Пожалуй, самый простой способ описать госпожу Алису – это сказать, что она похожа на жену ветхозаветного Ноя – ту самую, из ковчега.

– Что тут за шум? – недовольно проворчала она, приближаясь к ним нетвердой старческой походкой. – О! Не знала, Дульси, что у тебя есть подруги.

– А у меня их и нет, – неопределенно взмахнула рукой мисс Мардиан. – Познакомьтесь, тетя, – это миссис... миссис...

– Бюнц, – гостя поклонилась. – Миссис Анна Бюнц. Леди Алиса, просто не могу вам описать, как меня переполняют

¹ Боже мой! (нем.) – Здесь и далее: примеч. пер.

чувства...

– Что вы сказали? А-а-а, здравствуйте, здравствуйте... – прокричала леди Алиса. Ее плохо пригнанная вставная челюсть клацала в конце каждого слова, и по той же причине шипящие и свистящие звуки получались у нее особенно выразительно. – Незнакомых не принимаю, – добавила она. – Слишком стара. Дульси вам, наверное, уже сказала.

– Кажется, это что-то насчет лорда Реккейджа, тетя.

– Бог мой! Луни Реккейдж! Как же, помню... Охотился-охотился со своим «Куорном»² и доохотился до того, что спятил на старости лет. Вы с ним чем-то похожи, Дульси. Вам так не кажется? – обратилась она к миссис Бюнц, впервые удостоив ее взглядом.

Миссис Бюнц поспешно разразилась речью.

– Перед тем как он умер, – скороговоркой начала она, – я имею в виду лорда Реккейджа – он, как вице-президент Общества друзей британского фольклора, поручил мне изучить кое-какие бумаги.

– Ты позвонила насчет котлов, Дульси?

– Линия отключена, тетя Акки.

– А-а, как это я опять забыла...

– Но позвольте, – вскричала миссис Бюнц, – позвольте мне сообщить вам одну новость. Доставьте мне такое удовольствие.

– Вы ведь не пешком сюда пришли?

² «Куорн» – охотничье общество английских аристократов.

– Да, у меня небольшой автомобиль.

– Авто? О, это очень современно. Послушайте, если вас не затруднит, передайте Андерсену из Роши, что у нас взорвался котел. Премного обяжете. Моя племянница вас проводит. Попросите заранее извинить меня.

С этими словами старуха повернулась и поковыляла к выходу.

– Нет, нет, не уходите! Умоляю вас! – воскликнула миссис Бюнц, заламывая руки. – Леди Алиса! Подождите! Я добиралась сюда два дня. Послушайте меня одну минуту... Только одну минуту... Хотите, на колени встану...

– Сколько ни просите, – буркнула леди Алиса, – все понапрасну. Все равно у меня нечего подать. Идем, Дульси.

– О нет, только не это! Я ни о чем вас не прошу. Только разве что умоляю уделить минуточку внимания. Хочу сказать вам пару слов... – От волнения акцент гостьи усилился.

– Дульси, я ухожу.

– Да-да, тетушка Акки.

– Меня привели к вам...

– Что за бесцеремонные люди...

– Неужели вам это ничего не говорит – зимнее солнцестояние? Или – Мардианский моррис³, – или – танец Пятерых Сыновей? Или... – Она запнулась, заметив, как переменялись вдруг их лица.

³ Моррис – театрализованный ритуальный танец в средневековых костюмах с колокольчиками.

Верхняя челюсть госпожи Алисы громко ударилась о нижнюю, и в воцарившейся после этого тишине со двора послышался очередной взрыв недовольства гусиной стаи. Затем раздался мужской голос, и громко хлопнула дверь.

– Уж не знаю, – процедила сквозь зубы леди Алиса, – кто вы такая и откуда. Но вы очень обяжете, если немедленно уберетесь прочь. – Она повернулась к своей внучатой племяннице. – А тебе, – сказала она, – язык бы надо отрезать. Пусти. Я на тебя сердита.

С этими словами старуха быстро проковыляла в холл.

– Добрый вечер, тетя Акки. Добрый вечер, Дульси, – проговорил голос. – А я-то думаю...

– И на тебя я сердита тоже. Ухож-жу к себе наверх. Видеть никого не ж-желаю. И попрош-шу меня не беспокоить. И еще: потрудитесь выпроводить эту женщ-щину.

– Хорошо, тетя Акки.

– И смотри веди себя хорош-шо, Ральф.

– Да, тетя Акки.

– И еще: подай мне в комнату виски с содовой, Дульси.

– Хорошо, тетя Акки.

– Ч-чертовы зубы!

Миссис Бюнц услышала звук удаляющихся шагов. Оставшись одна в этой ужасной комнате, она с отчаянием и досадой махнула рукой. И тут в дверях появился атлетически сложенный молодой человек.

– Простите, – поклонился он. – Добрый вечер. Боюсь, де-

ла идут неважно... Сдается мне, тетушка Акки сегодня не в духе.

– Увы!

– Меня зовут Ральф Стейне. Я ее племянник. Тетушка немного капризна. Впрочем, думаю, для ее девяноста четырех лет это простительно.

– Увы и увы!

– Я приношу извинения. Можно ли чем-нибудь вам помочь? – осведомился молодой человек. – Правда, должен вам признаться, я и сам сейчас на мели, если не сказать больше.

– Так вы ее племянник?

– Правнучатый. Я сын местного пастора. Дульси – моя тетька.

– Бедный юноша, – посочувствовала миссис Бюнц, впрочем, довольно рассеянно: мысли ее витали где-то далеко. – А ведь вы и в самом деле можете мне помочь, – сказала она. – Да-да, можете. Слушайте же. Постараюсь быть краткой. Я прибыла сюда из местечка Бэппл-на-Баккоме – это в Варвикшире. Возможно, виной тому погода, но поездка заняла у меня два дня. Не подумайте, что я вам жалуясь. Впрочем, я отвлеклась. Так вот, мистер Стейне, я изучаю народные танцы – как английские, так и европейские. Мои краткие монографии о хороводах вокруг майского дерева и символическом чайнике отмечены наградами. Я не только изучаю танцы, но умею также их представлять. До сих пор такие

могу коленица выкидывать, благодарение богу!

– Как-как вы сказали?

– Я сказала – благодарение богу. Это одно из экспрессивных выражений шестнадцатого века. Мы в нашем тесном кружке решили воскресить его. Так – забавы ради... – пояснила миссис Бюнц.

– Боюсь, что я...

– Не беспокойтесь: все это говорилось лишь для того, чтобы убедить вас, что ваша покорная слуга имеет право выступить своего рода экспертом. Дело в том, что мой статус, мистер Стейне, достаточно высок, чтобы покойный лорд Реккейдж...

– Вы имеете в виду Луни Реккейджа?

– ...решился оставить на мое попечение три сундука ценных – я бы сказала ценнейших – фамильных бумаг. Именно один из этих документов – я наткнулась на него позавчера – и привел меня к замку Мардиан. Я привезла его с собой. Можете посмотреть.

Ральф Стейне заметно смутился.

– Да-да... гм... послушайте, миссис...

– Бюнц.

– Да-да, миссис Бюнц. Мне страшно жаль, но если вы решили пойти по такому пути, как я вас понял, то – опять же, мне несказанно жаль – у вас ничего не выйдет.

Неожиданно миссис Бюнц величественным жестом указала на окно.

– Скажите мне, юноша, – сказала она. – Скажите, вон там во дворе – как раз где сейчас гуляют гуси – прямоугольная, присыпанная снежком, насколько я понимаю, – это надгробная плита Мардианов?

– Совершенно верно, – подтвердил Ральф. – Это она.

– Так вот, документ, о котором я упоминала, связан как раз с этой плитой. И еще с танцем Пятерых Сыновей.

– В самом деле?

– Там говорится о том, мистер Стейне, что еще не известно ни одному специалисту и исследователю, ни одному исполнителю народных танцев – да вообще никому – о том, что так называемый Мардианский моррис – один из редчайших по красоте английских ритуальных танцевальных обрядов – в течение многих лет исполнялся на надгробной плите Мардианов во время зимнего солнцестояния. Так было еще пятнадцать лет назад.

– Надо же, – поднял брови Ральф.

– Но это еще не все, – свистящим шепотом продолжила миссис Бюнц, приблизив к нему лицо. – Мне кажется, нет никаких причин, чтобы он не дожил до нынешнего года, нынешнего солнцестояния, мистер Стейне, – того, что случится на этой неделе. А теперь ответьте мне – так это или нет?

– Сказать по-честному, было бы лучше, если бы вы забыли обо всем этом.

– Но вы ведь не отрицаете?

Он поколебался немного, а потом начал говорить, тща-

тельно взвешивая каждое слово.

– Допустим, – сказал он. – Разумеется, я не стану отрицать, что раз в году в Мардиане исполняется короткий, простенький и совершенно, на мой взгляд, не представляющий интереса танцевальный обряд. Это так. Мы стараемся поддерживать этот обычай.

– Как говорится – святое дело.

– Ну да. Но при этом – поймите меня правильно – мы стараемся оградить его от посторонних глаз и ушей. Можете себе представить, что тут начнется, если вся эта братия «деятелей» от искусства, – при этих словах Ральф залился краской, – опять же, я не хочу никого обидеть – узнает об этом и хлынет в Мардиан? Мало того что сюда соберутся все ваши соратники. Они же нагонят еще и какие-нибудь экскурсионные автобусы. С них станется... Вся наша семья страшно переживает по этому поводу – и сам старик Лицедей.

Миссис Бюнц прижала к губам затянутые в перчатки руки.

– Я правильно поняла? Вы сказали – старик Лицедей?

– Лицедей? А, простите. Это что-то вроде прозвища. На самом деле его зовут Вильям Андерсен. Местный кузнец. Удивительный старик. – При этих словах Ральф почему-то снова покраснел. – Вот уже много веков они живут в Кузнецовой Роце – я имею в виду Андерсенов, – уточнил он. – Наверное, столько же, сколько наша семья в Мардиане, если уж на то пошло. Сам он готов лопнуть от гордости по этому

поводу.

– Старик Лицедей? Старик Лицедей... – пробормотала миссис Бюнц. – Так он, значит, кузнец? И возможно, что кто-то из его предков сделал того самого конька?

Ральф замялся.

– Ну... – протянул он и замолк.

– Ага! Так, значит, конек существует!

– Послушайте, миссис Бумс, я... Вы на самом деле окажете мне огромную услугу, если не станете никому об этом рассказывать и... и тем более писать. И ради всего святого не приводите сюда людей! Не скрою, что я не в чести ни у моей тетушки, ни у старика Вильяма и на самом деле... ой! Кажется, идет тетя Дульси. Послушайте, могу я попросить вас...

– Не утруждайте себя. Я весьма осторожна и благоразумна, – заявила миссис Бюнц, глядя на него с хитрым прищуром. – Лучше скажите мне – наверняка где-нибудь поблизости есть гостиница? Заметьте, я говорю «гостиница», а не «клоповник» и не «ночлежка». – Миссис Бюнц натянула свое домотканое пальто. – Поверьте, я вовсе не из тех, кого вы назвали «деятелями» от искусства.

– В миле отсюда есть гостиница. По дороге на Йоуфорд. Называется «Лесной смотритель».

– Ага! Значит, «Лесной смотритель». Отлично.

– Но вы же не собираетесь останавливаться там? – невольно вырвалось у Ральфа.

– Однако согласитесь: не могу же я прямо сейчас отпра-

витья в Бэппл-на-Баккоме? Это в трехстах милях отсюда. Я должна по крайней мере поесть и передохнуть.

Запинаясь, Ральф пробормотал:

– Наверное, я бе... беру на себя большую смелость, но... не могли бы вы быть так любезны и... и... если вы правда туда собираетесь... передать от меня письмо для одного из постояльцев? Я... меня... машина сломалась... вот, хожу пешком.

– Давайте сюда.

– Вы ужасно добры!

– Могу и подвезти вас.

– Громадное спасибо, но лучше просто передайте письмо. У меня оно с собой. Я как раз собирался отправить его по почте. – Все еще красный как рак, он достал из нагрудного кармана конверт и протянул даме, которая спрятала его у себя с самым деловым видом.

– А за это, – безапелляционно произнесла немка, – вы скажете мне еще одну вещь. Какова ваша роль в танце Пятерых Сыновей? Ведь вы тоже участник. Меня не проведешь.

– Я изображаю там Бетти, – тихо проговорил он.

– Ага-а! Символ плодородия, или, выражаясь языком современным... – Она похлопала по карману, куда положила письмо. – Пиковый интерес? А?

Ральф едва не умер от смущения.

– Тетя Дульси идет, – сказал он еле слышно. – Если вы не против, то лучше всего было бы, если бы вы...

– Если бы я быстренько смылась. Все понятно. Что ж, спасибо вам, мистер Стейне. До свидания.

Ральф проводил ее до двери, отогнал гусей, посоветовал не обращать внимания на быков, так как один из них вообще мирный, а другой тоже буянит лишь изредка, и долго следил взглядом за машиной, вздымавшей за собой целые тучи снега. По возвращении в дом он столкнулся с мисс Мардиан.

– Поднимись наверх, – недовольно проворчала она. – Чем ты тут занимался все это время? Тетушка уже из себя вышла.

2

Миссис Бюнц удалось миновать ворота без дальнейших претензий со стороны домашнего скота, и она благополучно въехала в деревню. Впрочем, деревня – это громко сказано. Все поселение состояло из двух рядов жалких домишек, маленькой лавки, церквушки неопределенной архитектуры и викторианского пастората – не иначе, родного дома Ральфа Стейне. Даже в нарядном зимнем уборе деревушку трудно было назвать живописной. «Пожалуй, чтобы привлечь сюда “братию”, о которой говорил Ральф, пришлось бы основательно попотеть», – не без удовольствия подумала миссис Бюнц, пуристка по убеждению.

На выезде из деревни она наткнулась на дорожный столб, обозначавший границу Восточного Мардиана и указывающий дорогу на Йоуфорд.

А где же кузница? Вот ведь незадача! Жажда исследования так и мучила путешественницу – обрывки сведений, которые удалось выудить из Ральфа, только раззадорили ее любопытство. Она сделала остановку и огляделась вокруг. Никаких признаков кузницы. Надо вспомнить – может, кузница попадалась ей по дороге сюда? Она искала ее с такой страстью и пылом, как будто была не ученым, а беглой невестой, у которой там назначена встреча с любимым. Но кузница, как назло, никак не находилась... Кругом был только сумрак да снежная пустыня. Какая-то рощица, указатель, холмы и поля... Что ж, придется ехать в гостиницу. Дама уже совсем было собралась уезжать, как вдруг заметила между деревьями тоненькую струйку дыма и сразу же вслед за этим – коренастого мужчину с собакой, который выходил из лесных зарослей.

Она выпрямилась и громко крикнула, выпуская изо рта доброе облако пара:

– Здравствуйте! Будьте так любезны, подскажите мне, где тут у вас Мощи?

Мужчина удивленно уставился на нее, а затем переспросил:

– Чего-о?

Собака села на землю и заскулила.

Миссис Бюнц вдруг поняла, как она устала. «На редкость бестолковый день! – подумала она. – Теперь еще не хватало повздорить с этим аборигеном». Она повторила вопрос:

– Где, – сказала она, стараясь отчетливо произносить каждое слово, – на-хо-дят-ся Мо-щи?

– Чьи такие мощи?

– Кузнецовы...

– Так вы про мистера Вильяма Андерсена спрашиваете?

Так он, слава ж тебе господи, еще жив. Какие такие мощи? Это папаша мой.

Несмотря на усталость, фольклористка все же отметила про себя, какой замечательный у него местный диалект. Стараясь говорить громче, она сказала:

– Вы меня неправильно поняли. Я только хотела узнать, где кузница. То есть Кузнецовы... Кузнецова...

– А-а, Роща? Это ж аккурат моего папаша кузница.

– Вот-вот! Так где она?

– Вообще-то папаша с женщинами не очень...

– Это вон там – где дым?

– Ага.

– Спасибо.

Дама тронулась с места, и ей показалось, что кузнецов отпрыск продолжает бормотать что-то насчет того, что его папаша с женщинами не очень...

«Это смотря с какими женщинами», – подумала про себя миссис Бюнц.

Дорога обогнула рощицу, и там, в другом ее конце, дама обнаружила пейзаж, словно сошедший со старинной гравюры под названием «Деревенская кузница в сумерках». Вовсю

работали кузнечные мехи. Огонь из горна отбрасывал на стены зловещие красные отблески. Неподалеку, в тени, ждала лошадь. За горном, в затемненном углу, стоял склоненный человек с фонарем – видимо, кузнец – и делал свою таинственную и возвышенную работу.

При виде этой картины гармоничного единения Кузнеца с Природой миссис Бюнц захотелось петь и рыдать от счастья. Вот то, ради чего она живет и трудится. Вот она – настоящая первозданная жизнь. Да, миссис Бюнц беззаветно и преданно любила английский фольклор...

Однако оказалось, что кузнец – вовсе не тот человек, на которого она сперва подумала. Старик появился некоторое время спустя вместе со своим помощником. В щипцах он сжимал раскаленный докрасна полумесяц подковы, который затем положил на наковальню. Взлетел тяжелый молот, посыпались искры, и зазвенел вечный колокол, соединяющий огонь и металл...

Миссис Бюнц заметила, что помощник кузнеца отличается таким же полнокровием, что и парень, которого она встретила у дороги, а кроме того, похож на него лицом – по всей видимости, это был его брат. Однако при всем этом сам кузнец – прародитель этих здоровяков – на вид оказался сухим и тщедушным старцем. Это открытие почему-то тронуло женщину до глубины души. Охваченная теплым чувством, она вышла из машины и направилась к кузнице. Тот, кого она поначалу приняла за кузнеца, раздувал пламя. За-

метив ее, человек поспешно накрыл какой-то громоздкий предмет большим куском мешковины.

Помощник кузнеца увидел ее, но ничего не сказал. Сам же кузнец, вероятно, не обратил на незваную гостью никакого внимания. Его узловатые, словно ветки старого дерева, руки продолжали выверенными движениями расправляться с подковой. Пот ручьями стекал по его лицу, седые волосы облепили лоб белым венцом. После шести ударов помощник принял у отца молот и взялся за дело сам. Благородство и красота его движений поразили миссис Бюнц в самое сердце.

Она подождала. Между тем подкову приложили к копыту, и кузнец склонился над ней в самой классической кузнецовской позе. Мужчина в углу за горном стоял неподвижно.

– Отец, вас ждут, – сказал помощник.

Кузнец бросил на нее взгляд и покачал головой.

– Слушаю, мэм? – спросил за него сын.

– Я прибыла к вам с поручением, – бодро сообщила миссис Бюнц. – От госпожи Алисы Мардиан. У них в замке взорвался паровой котел.

Все молчали. Наконец сын вымолвил:

– Благодарю вас, мэм.

Он подошел к ней, но с таким решительным видом, будто собирался немедленно выдворить ее из кузницы. Человек словно пытался загородить своим телом что-то, чего она не должна была видеть.

Фольклористка попыталась ослепить его обворожительной улыбкой.

– Можно мне зайти? – спросила она. – У вас такая прелестная кузница.

– Просто скопище старого хлама. Ничего интересного.

– А вот и не скажите! – живо воскликнула она. – Старый хлам – это как раз то, что меня интересует. Более того, это моя профессия. Все вы, – она обвела рукой присутствующих, включая старого кузнеца и безмолвную фигуру в углу, – будете очень удивлены, если узнаете, сколько я всего знаю о шмидтах... э-э... о кузнецах.

– Угу, мэ...

– Вот, например, – продолжала миссис Бюнц еще более игривым тоном, – я могла бы вам все рассказать об этих пружинах, что развешаны тут по стенам. И разумеется, о подкове, что висит над дверью. Даже в том, что вы подписываетесь Андерс-ен, а не Андерс-он, я могу усмотреть особые причины. Таких загадок вокруг не счесть, скажу я вам, и я, поверьте, умею их разгадывать. Вон там, например... – она встала на цыпочки и стала шаловливо заглядывать то за одно плечо молодого кузнеца, то за другое, – там столько интересных вещей...

– Да ничего там нет такого.

Это сказал старый кузнец. Неизвестно, откуда в его щедушном теле обнаружился низкий рокочущий голос. Сын повернулся к отцу, и в этот момент миссис Бюнц с заливи-

стым смехом проскользнула мимо него в кузницу.

– Ага! – воскликнула она радостно. – А это, похоже, сам мистер Андерсен-старший! С вашего позволения, сам старик Лицедей! Теперь уж я точно знаю, что вы лукавили. Не следует так скромничать – у вас действительно великолепная... э-э... кузница. И лошадь такая краса! Наверное, охотничья?

– Не подходите. Может так лягнуть, что дух вон. А ну, не балуй! – прикрикнул он на кобылу, когда она дернула ногой, которую он держал, как ребенка, на коленях. – Отойдите лучше. Вона как она расходилась. И вообще, не женское это дело. Шли бы лучше...

– А я так много слышала, – вкрадчиво сказала миссис Бюнц, – об удивительном гостеприимстве, которым славится эта часть Англии. So!⁴ Увы! Похоже, меня обманули. Я проделала больше двухсот миль, чтобы...

– Давай-ка раздувай, Крис. Да слышь ты, раздувай! Чего уши развесил? Раздувай, сынок.

Мужчина, что стоял в углу, подошел к мехам. Яркое вспыхнувший огонь осветил кузницу. Сверкнула по стенам металлическая утварь, детали конской упряжи и множество медалей, полученных, видимо, на праздничных бегах. Отступая, мужчина случайно задел мешковину, которой до этого накрыл какой-то предмет, и она упала. Миссис Бюнц воскликнула что-то на своем немецком. Одновременно с ней кузнец

⁴ Здесь: Вот ведь! (нем.)

крепко выругался. В отблесках пламени их взорам открылось странное железное существо – получудовище-полуптица, – которое улыбалось сардонической и почти что живой улыбкой. Раскрашено существо было настолько ярко, что казалось, оно светится само по себе.

Миссис Бюнц издала восторженный вопль.

– Конек! – вскричала она, хлопая в ладоши как сумасшедшая. – Тот самый Конек! Я его нашла! Счастье-то какое! Gott Sie danke!⁵

Второй помощник снова накрыл диковину тряпкой. Все трое имели довольно мрачный вид.

– Да уж, нечего сказать, обращеньице, – пробормотала миссис Бюнц и, выдавив из себя жалкий смешок, направилась к машине.

⁵ Благодарю тебя, Господь! (нем.)

Глава 2. Камилла

1

В своем номере на втором этаже гостиницы «Лесной смотритель» Камилла Кэмпбелл приготовилась к голосовым упражнениям – приняла удобную позу, слегка втянула диафрагму и уперлась пальцами в ребра. Затем она сделала глубокий вдох и выразительным голосом произнесла:

– Моррис для девятерых – шашки в круг... – Она повторила это несколько раз, стараясь копировать учителя ораторского искусства, которым искренне восхищалась. – Держите дыхание, детка, главное – держите дыхание.

Взглянув на себя в зеркало старинного туалетного столика, девушка вдруг расхохоталась. До того напыщенный у нее был вид, кроме того, зеркало безбожно искажало ее отражение, и вообще... Она просто была счастлива и готова любить весь мир! Хорошо, когда тебе восемнадцать, ты – студентка Театрального института в Западном Лондоне и действительно влюблена – пусть не во весь мир, а только в одного человека. И так здорово, что она приехала сюда, в Мардиан, и сама остановилась в гостинице, словно бывалая путешественница. «Наконец-то я свободна как птичка», – подумала Ка-

милла и еще несколько раз повторила фразу про Танец Девятерых, только с разными интонациями. Сначала так: «Моррис для девятерых – шашки в круг...» А затем по-другому, с некоторым оттенком удивления: «Моррис для девятерых – шашки в круг?» После этого она снова разразилась смехом и решила прервать занятия, чтобы побаловать себя сигареткой. Между делом она извлекла из недр своей сумки помятое письмо. В который раз она его перечитывала?

Дорогая племянница!

Папа просил передать что получил твое письмо и насколько он понял тебя ждут в Мардиане. Остановиться можешь в гостинице «Лесной смотритель». Кто старое помянет тому глаз вон, я так считаю и все мы будем рады тебя видеть. Он по-прежнему ужасно переживает по поводу того что твоя мать вышла за К. К. поэтому лучше не напоминай ему об этом хотя по большому счету ее Создателю и нам тварям земным все равно – говорить о ее смерти вслух или нет.

Твой люб. дядя

Даниэль Андерсен.

Камилла вздохнула, убрала письмо и посмотрела в окно на дорогу, что вела в Кузнецову Рощу.

– Ну вот, не напрасно я приехала, – сказала она.

Несмотря на холод, окно в ее комнате было распахну-

то. Внизу она заметила человека, который шел через дорогу к гостинице, освещая путь фонарем. За ним бежала собака. Он поднял голову на голос, и в свете фонаря девушка узнала его лицо.

– Здравствуйте, дядя Эрнест! – крикнула Камилла. – Это же вы, дядя Эрнест, не так ли? Вы знаете, кто я? Вам сказали, что я приеду?

– А?

– Я – Камилла. Приехала сюда на неделю.

– Дочка Бесси – Камилла?

– Точно. Так вы меня помните?

Он вглядывался в ее лицо и, кажется, постепенно узнавал.

– Надо бы рассказать, что ты приехала. А Лицедей-то знает, ждет тебя?

– Знает. Я приехала всего час назад. Завтра сама с ним повидаюсь.

– Вообще-то он с женщинами не очень...

– Ну, на меня это не распространяется. Все-таки я ему внучка! И потом, он сам попросил меня приехать.

– Не может того быть!

– Ну да – попросил... Почти что сам. Ладно, я, пожалуй, пойду. Увидимся позже.

Снова пошел снег. Закрывая окно, она заметила маленький, похожий на жука автомобиль, который, пронизывая фарами снежную пелену, въехал во двор.

Из машины неуклюже вылезла упитанная дама в сирене-

вом домотканом пальто. Голова ее была повязана шерстяным шарфом, а руки спрятаны в пестрые варежки.

– Боже, какая колоритная фигура! – задохнулась от восторга Камилла и скорее побежала вниз.

Закрытый бар был предназначен только для постояльцев гостиницы и располагался в самой старой части здания. По соседству имелась пивная – туда мог пойти любой. Оба заведения находились по разные стороны от общей стойки, и их посетители могли видеть друг друга. Проникнуть из одного в другое можно было, лишь пройдя через откидную дверцу стойки.

Внутреннее убранство бара отличалось скромностью и аскетизмом: никаких медных кастрюль напоказ, никаких декоративных сотейников с подогревом или эстампов, изображающих сцены из охотничьей жизни. Исключением служила лишь картина на стене, заботливо спрятанная в темном углу за дверью, – точнее, не картина, а блеклая черно-белая фотография. На ней была запечатлена группа торжественного вида мужчин, усы которых топорщились наподобие тюленьих. Лица их были черными, как у мавров, а в поднятых руках они держали короткие мечи, которые, скрещиваясь, образовывали причудливую решетку. В эту решетку человек, одетый в шутовской наряд, зачем-то просунул голову. На заднем плане были видны еще три фигуры – железный Конек, мужчина в пышной нижней юбке и еще кто-то со скрипкой.

Прислуживала в баре дочь владельца гостиницы Трикси

Плоуман – румяная и полногрудая красotka с горделивой осанкой. Когда Камилла вошла, в баре никого не было, но, заглянув через стойку в пивную, она увидела там своего дядю, Эрнеста Андерсена. Он тоже заметил девушку, усмехнулся и стал переминаясь с ноги на ногу.

Камилла перегнулась через стойку и крикнула:

– Может, вы зайдете сюда, дядя Эрни?

В ответ он пробормотал что-то насчет того, что ему неплохо и в пивной. Из-под стола раздался вой его собаки.

– Ну надо же! – воскликнула Трикси. – Столько лет не видел свою племянницу – и так относиться!

– Да ладно, – не стала обижаться Камилла. – Хуже было бы, если б он вообще забыл, что у него есть племянница.

Тогда – пусть не во всеуслышание – Эрни заметил, что слишком уж она стала заумная, мол, им всем не чета.

– Да нет же! – обиженно вскричала Камилла. – Ничего подобного! Господи!

– Да ладно тебе, – сказала Трикси, всем своим видом показывая, что не стоит обижаться на дураков. Эрни улыбнулся и при этом как-то странно повел бровями. – Хотя, чего уж греха таить, – призналась Трикси, – мы и впрямь давненько тебя не видели. – После чего добавила со всей деревенской прямоотой: – Аж с тех пор, как твою бедную мамочку привезли сюда на вечный покой.

– Пять лет прошло, – кивнула Камилла.

– Точно.

– Эх! – громко встрял в разговор Эрни. – Ничего бы не сказал, если б сидела она дома, не высывалась... Вышла бы за кого-нибудь из своих... Так нет же, наша Бесси была для этого слишком важная персона... А в итоге-то что – кончила свою жизнь как последняя тварь.

– Ну, это еще как посмотреть, – фыркнула Трикси. – Я лично так не считаю. Ох, до чего ж от псины твоей воняет! – добавила она.

– Плевать, – мрачно отозвался он.

– Почему это как тварь? – возмутилась Камилла. – Они с отцом жили счастливо, он очень ее любил. До сих пор не может поверить, что она умерла. – Камилла подняла глаза на Трикси. – Они правда любили друг друга. И поженились по любви.

– Конечно, так все и было, ей необыкновенно повезло, – мягко сказала Трикси и, выразительно посмотрев на Эрни, поставила прямо перед его носом полпинты пива.

– А потом убил ее – да? – пробурчал Эрни, глядя куда-то вниз, словно обращаясь к своим ботинкам. – Вместе со своими вонючими деньгами и своей, видите ли, любовью – в могилку ее, да? Каково?

– Нет. Нет, нет! Как вы можете!

– Ну-ну, не бери в голову. – Трикси кивком указала Камилле на дальний столик закрытого бара. – Станный он. Не стоит из-за него расстраиваться.

– Мне написали, что дедушка велит мне приехать. Что все

будут со мной дружелюбны...

– Конечно, так и будет. Это только Эрни такой. Что тебе принести, подружка?

– Сидр, если можно. И себе тоже возьми, Трикси.

На лестнице послышались какой-то шум и возня, и вслед за этим в бар вошла миссис Бюнц. Сняв пальто и размотав один из своих шарфов, женщина осталась в платье из котсуолдской шерсти и деревянных бусах.

– Добрый вечер, – поздоровалась она приветливо. – И какой вечер! Опять метет!

– Добрый вечер, мэм, – приветствовала гостью Трикси, а Камилла, разумеется, тут же узнала в миссис Бюнц необыкновенную «колоритную фигуру», которую увидела из окна, и радостно отозвалась:

– Главное, чтобы с головой не замело!

Миссис Бюнц подплыла к стойке бара, и Трикси поинтересовалась:

– Будете что-нибудь?

– Благодарю, – кивнула миссис Бюнц. – Пожалуй, мне бы не помешало пропустить кружечку. Если не ошибаюсь, я приехала в медовый край?

Трикси переглянулась с Камиллой и обнажила зубы в самой что ни на есть приветливой улыбке:

– Но мы не наливаем меду в баре, мэм. Хотя в окрестностях и впрямь есть любители меда.

Посетительница небрежным жестом облокотилась на

стойку.

– Старик Лицедей, например... – проворковала она.

Тевтонка уже привыкла, что после ее высказываний люди открывают рот и не знают, что сказать. Переводя взгляд с одного удивленного лица на другое, она лучезарно улыбалась, и при этом щеки ее становились похожи на розовые новогодние шары. Вообще она сильно напоминала иллюстрацию к сказке братьев Grimm.

– Вы хотите сказать – мистер Вильям Андерсен? – подняла брови Трикси.

Миссис Бюнц озорно кивнула. Камилла начала что-то говорить, но осеклась. По соседству в пивной раздалось громкое покашливание Эрни.

– Может, желаете что-то другое, мэ? – спросила Трикси.

– Разумеется, желаю. Дайте мне зидру, – решительно постановила немка, желая вписаться в местный колорит.

Камилла не сдержалась и прыснула от смеха. Чтобы хоть как-то сгладить свое неприличное поведение, она поспешно сказала:

– Вильям Андерсен – это мой дедушка. Вы его знаете?

Миссис Бюнц уже устала постоянно улыбаться, но тем не менее не прекращала этого занятия и только с горечью думала про себя, что никогда, никогда ей не постичь всех тайн английских сословий!

– Да, – радостно кивнула она, – я уже имела удовольствие познакомиться с ним. Сегодня. По дороге сюда. Этот старик

воистину прекрасен, – убежденно добавила фольклористка.

– Прекрасен?

– Да!.. Душой, – уточнила она, неопределенно покрутив в воздухе руками. – А какая живость, я бы сказала – стремительность!

– Да-да... – с сомнением в голосе протянула Камилла. – Да, конечно.

Миссис Бюнц отхлебнула свой сидр, после чего извлекла из сумки какой-то конверт и положила на стойку.

– Меня попросили это передать, – сказала она, – одному из постояльцев гостиницы. Может, вы сможете мне помочь?

Трикси взглянула на письмо.

– Это тебе, подружка, – окликнула она Камиллу.

Камилла взяла конверт. При этом ее щеки зарделись как маков цвет, а сама она с удивлением взглянула на миссис Бюнц.

– Спасибо, – пискнула она. – Только я совсем... то есть я хотела сказать... разве вы...

– Это чистой воды случайность, – беззаботно прощелбетала миссис Бюнц. – Просто я была рада помочь – вот и все.

Камилла пробормотала в ответ что-то очень вежливое и, извинившись, устроилась в укромном уголке у камина, чтобы прочитать письмо.

Дорогая и очаровательная Камилла, – говорилось в письме. – Не сердись на меня за то, что я

приехал на этой неделе домой. Ты говорила, чтобы я не ездил следом за тобой, но, поверь, я не мог поступить иначе – ведь близится Мардианский моррис и Рождество. В гостиницу к тебе я не поеду, не буду даже звонить. Но, пожалуйста, в воскресенье приходи в церковь. Ты будешь стоять и петь, и у тебя изо рта будут вылетать облачка пара. А я устроюсь где-нибудь неподалеку и тоже стану пыхтеть как паровоз. Так мы сможем хоть что-нибудь делать вместе. И ты обязательно почувствуешь, как сильно я тебя люблю.

Ральф

Прочитав письмо не меньше шести раз подряд, Камилла положила его в карман брюк. Она бы с удовольствием засушила его под свой толстый свитер, но побоялась, что оно может выскользнуть.

Глаза ее так и горели. Она уговаривала себя, что на самом деле ей следует быть печальной – разве не она решила, что с Ральфом все кончено? Однако письмо странным образом излечивало ее от тоски, и сердце чуть не выпрыгивало из груди от радости.

Миссис Бюнц тоже пристроилась со своим сидром у камина, но чуть поодаль. Ее задумчивый, как показалось Камилле, взгляд был устремлен в огонь. Тут дверь пивной открылась, и помещение разом заполнили мужские голоса – неторопливые и глуховатые, какие услышишь только в деревне. Трикси поспешила к стойке, чтобы обслужить посетителей,

на помощь к ней вышел сам Том Плоуман – хозяин гостиницы. «Надо же, – думала Камилла, – я уже забыла эти голоса. А может, никогда и не помнила. Откуда я только родом?» Она услышала возглас Трикси:

– И она тоже – да вон она...

Наступила тишина, было слышно только покашливание. Камилла почувствовала, что миссис Бюнц следит за ней взглядом. Поднявшись, девушка направилась к стойке. Заглянув через пухлое плечо Трикси за прилавок, она увидела в пивной своих пятерых дядей – Дэна, Энди, Нэта, Криса и Эрни – и еще дедушку Вильяма. Было очень странно смотреть на них со стороны, как будто они какие-то рыбы в аквариуме, и, чтобы разрушить это впечатление, она громко крикнула:

– Здравствуйте! Дедушка, здравствуйте!

В улыбке своего дяди Дэна она невольно узнала черты матери. Проступали они и в лицах близнецов Энди и Нэта, в том, как они подносили к носу костяшки пальцев, словно наслаждались их запахом. В шапке темно-рыжих волос Криса тоже угадывалась мать Камиллы. Даже этот странный дядя Эрни напоминал ее манерой взглядывать из-под сдвинутых бровей. Очевидно, сходство передалось всем им от бабушки, которую сама Камилла никогда не видела. Старик Вильям был совсем другой. На фоне своих сыновей он казался чуть ли не карликом и выглядел не слишком привлекательным, а кроме того, излишне напористым. На его лице словно за-

стыла маска упрямого недовольства.

Лицедей отделился от толпы своих могучих отпрысков и сквозь полки, заставленные бутылками, попытался разглядеть внучку.

– Что – приехала? – сверкнул он на нее глазами.

– Конечно. Можно мне пройти туда, Трикси?

Трикси подняла откидную дверцу и пропустила Камиллу в пивную. Дяди ее слегка расступились. Камилла подала деду руку.

– Спасибо за весточку, – сказала она. – Все собиралась приехать, только не знала, захотите ли вы меня видеть.

– А мы думали, ты слишком важная особа, чтобы знаться с материнной родней.

Камилла старалась говорить как можно тише, чтобы сидящая у камина миссис Бюнц не могла ее расслышать.

И все равно ее речь звучала так, словно она упражнялась в дикции – девушка ничего не могла с этим поделать.

– Но я в такой же степени Андерсен, как и Кэмпион, дедушка. Вся «важность» как раз исходит с вашей стороны, а вовсе не от меня и не от моего отца. Мы-то всегда хотели дружить с вами...

– Ну что тут скажешь – яблочко от яблони... Такая же настырная и заумная, как мать, – прищурился старик. – Это я тебе говорю.

– Я ведь очень сильно на нее похожа, правда? И папа говорит, что с каждым годом все больше. – Она повернулась

к своим многочисленным дядям и продолжила тщательно подготовленную речь, которая, на ее взгляд, звучала чудовищно. – Мы встречались с вами только один раз – верно? На похоронах мамы. Я даже не успела толком всех вас запомнить... – Бедняжка сделала паузу в надежде, что ее выручат. Но младшие Андерсены только переминались с ноги на ногу и шумно прокашливались. Тогда она набрала побольше воздуха и продолжила: – Может, я попробую угадать? («Вот здесь слишком сильная модуляция голоса», – подумала она.) Вы – старший, дядя Дэн, не так ли? Вы вдовец, и у вас есть сын. Затем идут близнецы Энди и Нэт – вы оба женаты, но про ваши семьи я ничего не знаю. Затем шла моя мама. А потом вы, дядя Крис, – вас она больше всех любила. Не знаю, правда, женаты вы или нет. – Рыжий Крис бросил быстрый взгляд на Трикси, и лицо его вспыхнуло ярче волос на голове, после чего он отрицательно покачал головой. – А с дядей Эрни мы уже виделись, – закончила Камилла совсем уже упавшим голосом.

Больше сказать было, собственно, и нечего. Однако те, кажется, вовсе не собирались спасать положение и молча стояли перед ней, пряча под незамысловатой одеждой и обувью свои здоровые натруженные тела, – а ведь они сами создали это положение, по крайней мере дед.

– А мы и не думали, что ты так складно перескажешь наши имена, – пророкотал Дэн и снова ей улыбнулся.

– А! – Камилла поспешно схватилась за полученную воз-

возможность. – Так это очень просто. Мама давно научила меня, как легче их запомнить. Ведь они соответствуют буквам одного слова⁶. Она сказала, что бабушка, вернее всего, назвал вас так в честь среды Скрещенных Мечей и танца Пятерых Сыновей. Это так, бабушка?

Сидящая у камина в баре миссис Бюнц взволнованно замерла, не донеся до рта сидр.

Глаза старика Вильяма свирепо сверкнули.

– Девицам то не положено знать, – припечатал он. – Это мужские дела.

– Понимаю. Мама говорила. Но ведь посмотреть-то можно? А в эту среду на двадцать второе правда ведь будут Скрещенные Мечи?

– Да уж не без этого.

– Я там буду Разгонщиком толпы, – громко сообщил Эрни. – Все слышали?

– Чего шумишь зазря? А то мы не знаем, кто будет Разгонщиком, – цыкнул на него отец. – Все прямо дрожат от страха.

– А летчик-командир будет Щелкуном, – сказал Эрни, не желая оставлять начатую тему. – летчик-командир – Коньком, значит. Это мой командир, я у него служил – Саймон Бегг. Мы, правда, зовем его Сим-Дик... Так вот, он будет Коньком...

– Будет... Будет... – хором соглашались братья.

⁶ Имеется в виду английское слово «DANCE» – «танец» и английские имена пятерых братьев: «D» – Dan, «A» – Andy, «N» – Nat, «C» – Chris, «E» – Erny.

Тут собака Эрни вылезла из-за двери и, призывно глядя на хозяина, заскулила.

– Сколько же можно терпеть здесь эту вонючую тварь! – поморщилась Трикси.

– Да больная она, – покачал головой Том Плоуман. – Прости, Эрн, но твоя собака и впрямь больна.

– Ладно, – махнул рукой Энди. – Отправь собаку домой, Эрн.

Вмешался отец и приказал собаке убираться вон, добавив, что иначе он вышибет из нее дух. Сыновья – разумеется, за исключением Эрни – шумно поддержали его. Что же касается самого Эрни, то при этих словах лицо его исказилось и, подхватив на руки собаку, он устремился к выходу. В дверях, однако, остановился и обвел всех уничтожающим взглядом:

– Пусть только кто-нибудь попробует тронуть мою собаку – он может считать себя трупом.

В зале повисла тишина. Эрни хлопнул дверью и вместе с собакой скрылся в темноте.

Братья нерешительно топтались на месте и смущенно прокашливались. Наконец старик сказал:

– Ну что тут скажешь – паршивый сосунок. Ума-то еще не нажил, а туда же...

Трикси поспешила заверить, что на самом деле она без ума от животных, но всему же есть предел.

Вскоре Эрни вернулся – уже один – и, глянув из-под на-

супленных бровей на отца, принялся ныть как ребенок:

– Нельзя уже не иметь себе ничего для забавы... Это не делай, то нельзя... Собаку не держи... Роль Шута вы тоже мне не даете. Уж у меня бы точно получилось – из меня бы такой Шут гороховый вышел... – Он ткнул рукой в сторону отца. – Это все ты... Вот доктор – ученый, он правильно все сказал про тебя, что ты в этом не разбираешься. Почему ты не слушаешь его и не дашь мне сыграть? Ну почему-у...

Нытье на старика ничуть не подействовало, он только еще больше разозлился:

– Будь доволен и тем, что тебе позволят разгонять толпу. И вообще попридержи язык и не суйся не в свое дело. Да, пока не забыл... – Он повернулся к Трикси. – К нам тут в Кузнецову Рощу заходила одна иноземка. Все крутила своим носом, старая квашня. Не знаешь ли, что за птица?

Камилла дернула его за рукав и молча указала в сторону бара, где, скрытая от всех, у камина сидела миссис Бюнц. Трикси растерянно открыла рот. Четверо старших братьев принялись отчаянно прочищать глотки.

– Так она здесь? – вскричал старик Вильям. – Сидит выжидает?

– Она на несколько дней, – прошептала Трикси.

– Говори потише, Лицедей, – предупредил ее отец.

– Как хочу, так и говорю! Не нужны нам тут всякие швабры...

– Ну не надо, папа, не надо... – загалдели сыновья.

Но Лицедея было уже не остановить – так он распалился. Взглянув сквозь стеллажи с бутылками на миссис Бюнц, Камилла увидела, что та тихонько, на цыпочках семенит к выходу. При этом вид у нее был такой, будто к ней все сказанное совершенно не относится.

– Дедушка! – возмущенно воскликнула Камилла. – Она же слышала вас! Ну как вы могли! Вы же оскорбили ее чувства – а ведь она не англичанка...

– Помолчи.

– С какой это стати я должна молчать?

К всеобщему удивлению, при этих словах Эрни разразился визгливым смехом.

– Ну чисто мать! Она, заноза! – выкрикнул он, ткнув Камиллу пальцем в ребра. – Нет, вы только послушайте!

Старик Вильям гневно сверкнул глазами на внучку.

– У-ух, дурная кровь! – мрачно прогудел он.

Однако Камилла ничуть не смутилась.

– Ну хватит! – дерзко продолжала она. – Вы сами не умеете себя вести – прямо как переигравший резонер или злодей! Не обижайтесь, дедушка, но это просто залепуха!

– Что это еще за странные словечки?

– Если хотите знать – театральный жаргон.

– Ах, театральный! – прогремел он. – Может, ты еще скажешь мне, что ты позоришь наш род, занимаясь этой ерундой?! Это же чертова лавочка – весь ваш театр!

– При всем моем уважении, дедушка, вы несете полную

чушь.

– И это моя внучка! – вскричал он так, словно выступал на сцене. – Какая-то актрисулька! О боже! Хотя чего ж было еще ждать, когда ее выносила в чреве сама блудница в пурпуре!

Нэт и Энди, как и полагается близнецам, хором воскликнули:

– О господи!

Хозяин гостиницы не выдержал:

– Эй вы, потише, честной народ!

– Не понимаю, что вы хотели этим сказать, – с жаром возразила Камилла. – Если вы имеете в виду вероисповедание моего отца, так вам прекрасно известно, что я его не разделяю. Они с мамой решили все еще до того, как я родилась. Не я должна была быть католичкой, а мой брат, если бы он успел родиться. Я той же веры, что и вы все...

– А чем это лучше? – продолжал неистовствовать Вильям. – Небось наплевала на истинную веру, а сама хороводишься с проклятыми католиками!

Он подошел к ней вплотную. Лицо старика было перекошено от злости.

– У-у-у! – Не зная, что еще сказать, он просто вытянул вперед губы и заревел ей в лицо.

На это, к своему собственному удивлению, Камилла выпалила:

– Да нет же, честно! Господи, дедушка, вы прямо как ре-

бенок! – и... поцеловала его.

– Ну и ну! Браво! – воскликнула Трикси, хлопая в ладоши.

Том Плоуман прислушался:

– Никак еще кто идет...

Входная дверь распахнулась, и на пороге появился высокий мужчина в драповом пальто.

– Добрый вечер, мистер Бегг, – приветливо кивнула Трикси.

– Ну-с, как поживает наш Триксик? – поинтересовался летчик-командир Саймон Бегг.

2

Впоследствии, когда Камилла узнала его поближе, она поняла, что в этой первой фразе – весь Саймон Бегг. Благодаря своеобразному свойству памяти он знал наизусть имена всех официанток и барменов и всегда был не прочь этим козырнуть. Будучи человеком весьма крепкого сложения, он к тому же имел недурную наружность. Все было при нем: большие синие глаза, густые волосы, пшеничные усы. Носил он галстук военного образца и грубый, защитного цвета шарф. Во время войны – как после стало известно мисс Кэмпбелл – он летал на бомбардировщике и даже был награжден.

Старшие Андерсены, которые еще не пришли в себя после поцелуя Камиллы, нестройно поздоровались с Беггом, один только Эрни просиял и крепко пихнул его в знак при-

ветствия. В ответ Бегг не менее основательно хлопнул его по плечу.

– Как сам? – спросил он. – Небось зубришь своего Разгонщика?

«Да-а... – подумала Камилла. – Что-то он не фонтан, этот летчик-командир...» Бросив на нее взгляд, который она назвала про себя «опытным», он заказал выпивку.

– По какому случаю гуляем? – спросил он.

– Да вот, праздник, – отозвалась Трикси. – К Лицедею внучка приехала – пять лет не была.

– Да ну! – воскликнул он. – Лицедей! Не жмись – познакомь.

Поломавшись для порядку, Вильям согласился. Было очевидно, что Бегг уже успел узнать о приезде Камиллы, а удивление просто разыграл. Беседа, которую он завел с девушкой, призвана была подчеркнуть, что он и Камилла, без сомнения, принадлежат к одному кругу. К примеру, слышала ли мисс Кэмптон про одно замечательное местечко под названием Хипс, что находится неподалеку от Пастушьего рынка? Такое, скажу вам, крутое местечко... Камилла, которой, несмотря на все свои ухищрения, он казался чуть ли не стариком, с досадой подумала, что он еще к тому же и сентиментален. Разговор у них явно не клеился, и Камилла решила, что ей пора уходить: в конце концов, пивная не такое уж подходящее для нее место. Однако не успела она сделать и шага, как полку в пивной снова прибыло: на этот раз

появился симпатичный пожилой джентльмен в старомодном коверкотовом пальто. Вид у него был важный и знающий.

По залу разом прокатилось:

– Вечер добрый, доктор...

Вновь прибывший тут же подошел к Камилле:

– Боже ж ты мой, кого я вижу! Сразу узнал, сразу узнал...

Меня зовут Генри Оттерли, детка. Я еще вашу маму помогал на свет производить. Когда видел ее последний раз, она была вылитая вы – какая вы сейчас. Рад, очень рад встретиться.

Они пожали друг другу руки. Камилла вспомнила, как пять лет назад ее мать сказала после очередного посещения врача – какого-то видного специалиста:

– Все равно ему никогда не переплюнуть доктора Оттерли из Мардиана...

Когда она умерла и они с отцом привезли ее в Мардиан хоронить, доктор Оттерли был с ними очень любезен...

От этих воспоминаний на ее лице появилась благодарная улыбка, и доктор чуть сильнее и дольше сжал ее руку.

– Счастливчик же ты, Лицедей, – сказал доктор Оттерли. – Вон внучка на праздники приехала. С внучкой небось и зима летом покажется. Эх, ко мне бы сейчас кто приехал... Вы останетесь на Рождество, мисс Камилла?

– На зимнее солнцестояние точно останусь, – сказала она. – Хочу посмотреть Скращенные Мечи.

– А! Так вы все знаете!

– Мама мне рассказывала.

– Поди ж ты! Не думал, что в наше время люди находят время для ритуальных танцев. Сейчас же все такие тонкие, уж такие утонченные... Розы-мимозы... Па-де-де... Или нет?

– Конечно нет! Было бы несправедливо так говорить, – возразила Камилла. – А у меня вообще случай особый – я же учусь в театральном институте.

– Неужели? – Доктор Оттерли бросил взгляд в сторону Андерсенов, но те были увлечены беседой с Саймоном Беггом. – И что же говорит на это Лицедей? – подмигнул он Камилле.

– Рвет и мечет.

– Хм! Как же вы поступите? Пойдете ему наперекор?

– Если честно, я и не думала, что еще остались люди, которые так относятся к театру. Он набросился на меня как леопард, – пожаловалась девушка. – Просто ужасики!

– Как вы сказали – ужасики? – переспросил доктор Оттерли. – Интересное выражение! Это у вас что, теперь такой жаргон? А вы-то что ему ответили?

– Конечно, я могла бы невзначай заметить ему, – хмыкнула Камилла, – что сам-то он играет главную роль в каком-то языческом ритуале – по всей видимости, напичканном всякими неприличностями... Но не стала.

– И правильно сделали, – сухо сказал доктор Оттерли. – На вашем месте я бы тоже не стал. На самом деле он и впрямь поступает глупо – хотя бы потому, что в его возрасте это про-

сто вредно, и я ему об этом уже говорил. Мало ему того, что работает на износ... Посадит себе мотор. А ему хоть кол на голове теши. Ну да бог с ним, расскажите мне лучше о ваших планах. Какие бы роли вам хотелось сыграть? А?

– Ну конечно Шекспира. Это верх мечтаний.

– Интересно, интересно. Надеюсь, не самую грозную леди Макбет. А вот, скажем, Виола бы подошла – или Корделия?

– Корделия? – с сомнением отозвалась Камилла, которой и в голову не приходило думать о Корделии.

Некоторое время доктор Оттерли смотрел на нее, явно любуясь, а затем придвинулся с заговорщицким видом.

– Хотите, я вам что-то скажу? По крайней мере, меня это крайне забавляет. Мне кажется, я сделал замечательное открытие – воистину замечательное! Ни за что не догадаетесь о ком... О короле Лире. А, каково! – с безумным весельем Белого Рыцаря воскликнул старик. – Что вы на это скажете?

– Открытие?

– Да-да – о короле Лире. И сделал его я, должен вам заметить, когда играл все эти долгие годы – без малого тридцать лет – на скрипке для сопровождения танца Пятерых Сыновей.

– Seriously?

– Серьезнее некуда. Хотите знать, что это за открытие?

– Конечно хочу.

– Так вот, вкратце история такова: наш танец Пятерых Сыновей – это не что иное, как одна из вариаций на ста-

рую тему – тему братства. Король Лесов, Лесной смотритель, Шут, Старик-отец, гонимый собственным младшим сыном... Та же самая тема – разумеется, более красиво и глубоко – выведена в «Короле Лире». Вы хорошо знаете пьесу? – строго спросил доктор.

– Думаю, достаточно хорошо.

– Прекрасно. Воскресите ее в памяти после просмотра танца Пятерых Сыновей, и если я окажусь прав, то вам придется с уважением отнестись к участию вашего деда в этом действе. Ведь тогда выходит, что среда Скрещенных Мечей – это обряд, представляющий оригинальную версию «Короля Лира». Так-то, детка.

Доктор Оттерли улыбнулся, похлопал Камиллу по руке, а затем повернулся к присутствующим:

– Если вы хотите попробовать свои силы, то надо делать это сейчас. Лично у меня в распоряжении есть только полчаса. Мэри Йеовилл рожает.

– А где мистер Ральф? – спросил Дэн.

– Он позвонил и сказал, что запоздает. Ничего страшного. Бетти может заменить кто угодно. Моя скрипка в машине.

– Ну что ж, пойдёмте, парни, – рокотнул старик Вильям. – Пора на конюшню. – Он повернулся и уже было подхватил связку мешков, как вдруг вспомнил о внучке. – Если сильно не загордишься, – сверкнул он на нее глазами, – приходи завтра в Кузнецову Рощу, потолкуем.

– С удовольствием. Спасибо, дедушка. Удачной вам репе-

тиции.

– А это еще что за заморское словцо? Надо будет выучить...

– Ничего интересного. А можно мне посмотреть?

– А вот это нельзя. Говорю тебе – мужские это дела, нечего там женщинам делать.

– Ужасно, – ухмыльнулся Бегг, – не правда ли, мисс Чемпион? Думаю, ради такого случая надо бы сделать исключение... А?

– Нет! Не надо! – не согласилась Камилла. – Я пошутила. Все хорошо, дедушка. Простите. Не хотела вам мешать.

– И не вздумай знаться с этой старой квашней!

– Конечно, конечно, обещаю. Доброй всем ночи.

– Доброй ночи... Корделия, – поклонился доктор Оттерли.

Когда дверь за ними закрылась, Камилла пожелала Пломанам доброй ночи и поднялась к себе в комнату. Том Пломан вышел вслед за ней и отправился на кухню.

Трикси, оставшись одна, решила прибраться в гостиной бара. Под столом она обнаружила пустой конверт, который Камилла, в спешке распечатывая письмо, уронила на пол.

Поднимая, она невольно прочитала надпись. Какое-то время девушка молча смотрела на него. При этом она высунула кончик языка, как будто про себя подумала: «Ну и дела...» Хихикнув, Трикси скомкала конверт и бросила его в огонь. Услышав, как в пивной хлопнула входная дверь, она

вернулась за стойку и увидела Ральфа Стейне, который смотрел на нее с самым несчастным видом.

– Трикси...

– Если я верно поняла, – перебила его девушка, – ты опять порядком втрескался.

– Послушай, Трикси...

– Лучше уходи, – сказала она.

– Ну ладно. Извини.

Он повернулся к выходу, но был остановлен ее насмешливым голосом:

– Что ж, если у вас все получится, она хоть выйдет за порядочного...

3

В заброшенной конюшне за гостиницей скрипка доктора Оттерли выводила старую как мир английскую мелодию. На первый взгляд простая и незатейливая, она так завораживала чередой повторов и бодрым ритмом, что, слушая ее, невольно хотелось пуститься в пляс.

Сейчас под нее танцевали пятеро. И не просто прыгали как кому вздумается, а вели определенную игру. Для одного танца они прицепили к мускулистым ногам колокольчики и сопровождали музыку звоном, стараясь, чтобы их шаги и прыжки попадали в такт. Для другого они взяли в руки мечи и встали с ними в кольцо, чтобы, как подобает сыно-

вьям кузнеца, соединиться между собой сталью. Затем братья подставляли друг другу мечи и перескакивали через них. При этом они так старательно топали, что с пола поднимались клубы пыли. Лица их выражали сосредоточенное внимание: Дэн, Энди, Нэт, Крис и Эрни.

Вокруг них двигался в танце сам Лицедей, Вильям Андерсен. На голове вместо шапки у него была кроличья шкурка – целиком, с мордочкой и ушами. В руке он держал традиционный шутовской жезл. В его танце не было живости, как в пляске сыновей, но чувствовалась какая-то самоотрешенность. Кроме того, танцуя, он делал какие-то странные, не похожие на театральные жесты – значение их было понятно лишь ему самому. Временами он начинал ругаться на молодых Андерсенов, а иногда даже останавливал ради этого музыку.

Независимо от Лицедея вокруг танцующих братьев топтался железный Конек Щелкун, внутри которого сидел летчик-командир Бегг. Щелкуна сделали в Кузнецовой Роще, но сколько именно столетий назад, никто не знал. Его железная голова, больше похожая на птичью, была раскрашена наподобие маски злого колдуна. Тело выглядело как большой барабан, поставленный боком и накрытый сверху холстиной. Сзади торчал редкий хвост из настоящего конского волоса. Щелкун зловеще щелкал железными челюстями и исполнял свой собственный замысловатый танец.

Вошел Ральф Стейне и принялся отряхивать шляпу

и пальто от снега. Постояв немного, он направился в угол конюшни и вскоре показался одетый в длинную пышную юбку, похожую на невероятно широкий кринолин.

В этом полумужском-полуженском обличье он тоже присоединился к танцующим и, придав лицу самое грозное выражение, начал скакать и расхаживать вокруг пятерых братьев, которые скрестили свои мечи так, что один зацепился за другой, и образовали нечто вроде решетки – считалось, что это зеркало. Дэн и Энди стали махать руками, зазывая туда Лицедея. Тот подошел, постоял, посмотрел, а затем поднял его и «разбил» о землю. Последовал новый круг танца, и Сыновья опять сделали из мечей решетку. С помощью жалких и неуклюжих жестов Лицедей показал, что он взывает к милосердию своих Сыновей. Потом сделал вид, что пишет завещание, и стал обращаться поочередно к каждому Сыну, обещая им то и другое. Они вроде бы успокоились. Танец начался в третий раз, и в третий раз появилась злощастная решетка. Теперь лицо старика Вильяма изображало полную безысходность. Он подставил голову под их мечи. Мечи звякнули и расцепились, и на пол полетела шапка из шкурки кролика. За нею последовал и старик.

Доктор Оттерли опустил скрипку.

– Простите, – сказал он, – но мне надо идти. Да и с тебя уже на сегодня хватит, Лицедей. Будь моя воля, я бы вообще запретил тебе играть. Да ты посмотри на себя, старый дурень, – ты же дышишь все равно как раздуваешь мехи. Со-

вершенно незачем так себя мучить. У тебя же почти нетанцевальная роль. Слушай меня: я сейчас уйду, а ты смотри больше не танцуй. Сядь вон и играй для других, если хочешь. Вот тебе скрипка. И никаких плясок. Понял? Доброй ночи, парни.

Он втиснулся в пальто и вышел. Было слышно, как отъезжал его автомобиль.

Эрни пробовал свои силы в разгоне толпы. Делая огромные прыжки, он от души размахивал мечом, сокрушая невидимых противников, и при этом гудел и жужжал, как мальчишка, который решил поиграть в летчика. Конек тоже не стоял на месте, однако танец его выглядел теперь несколько странно. В конце концов оказалось, что Саймон Бегг просто застрял в своем обмундировании и не может выбраться.

– Уф-ф... Слава богу! Чтоб я еще раз влез в эти чертовы доспехи... – проворчал он. – На плечи давит, а уж вонь стоит такая – прямо спасу нет!

– С Бетти то же самое, – подтвердил Ральф. – Похоже, они знатно потели – наши пращуры. Ничего не попишешь: как говорится, *toujours l'art*⁷.

– Может, простирнем их, а, Лицедей? – спросил Бегг.

– Конька стирать нельзя, – отрезал Лицедей, – а вот что нужно тебе будет сделать, так это начистить железо и кожу, да еще не забыть разогреть кадку со смолой и окунуть туда подол. Уж будь уверен – смола тебе все начисто отобьет.

⁷ Искусство вечно (*фр.*).

– Это уж точно, – позавидовал Ральф. – Повезло тебе, Бегг. Мне вот улыбнулось меньше – не могу же я превратить свою Бетти в Смолли или Гудронни...

– Как же это я забыл про горячую смолу... – хлопнул себя по лбу Бегг. – До того странный обычай! Представляешь, каково – отлавливать самых хорошеньких девушек, а потом обмазывать их горячей смолой, а? Пожалуй, в таком виде эти Смолли далеко не убегут...

– Говорят, Пэдстоу, когда был Коньком, – вспомнил Крис, – прямо валил их на землю и обливал, ровно свечки...

– Будем мы еще смотреть на всяких там дикарей и язычников, – вмешался в разговор старик. – Не для нас такие дела, вот что я скажу. Смотри у меня, Симми-Дик, и не помышляй.

– Неподражаемо, – развел руками Ральф, – а что все это такое, если не обычай язычников?

– И никаких не язычников. Обычай хороший и достойный, если хорошо и достойно его исполнять, а мы так и будем.

– А вообще-то, – хмыкнул Саймон Бегг, – я бы не отказался взять с собой под этот вонючий навес какую-нибудь красотку – вроде той модницы, с которой меня сегодня познакомили...

Эрни громко заржал и тут же получил от отца подзатыльник.

– Цыть! Девушка – твоя племянница, а ты каков? Тебе, на-

оборот, заступаться за нее должно.

– Вот-вот, – проворчал Ральф.

Бегг с любопытством взглянул на него.

– Простите, дядя, – извинился он. – Не хотел обидеть. Так просто, подумалось. Что ж, готов сменить тему: когда, например, вы надумаете отдать нам кузницу?

– Никогда. Кажется, уже не раз вам говорено. Ни за что.

– До чего же упрям, собака! – буркнул Бегг, как бы ни к кому не обращаясь.

Дэн, Крис и близнецы исподлобья взглянули на отца.

– Мы-то сами с нашим удовольствием, – сказал Дэн, – ты знаешь, Симми-Дик, но отец и слушать не хочет.

– Послушай, отец, – проникновенно начал Крис, – ведь она все равно останется в семье. Просто мы знаем, что скоро здесь проложат шоссе. Это же золотое дно – автосервис на перекрестке. Компания останется нашей. Я знаю, как обделать все бумаги. И кузница тоже у нас будет. Поначалу Симми-Дик станет вести свои автомобильные дела сам – на своей стороне. Эрни поможет ему. Это же верное дело, слышишь? – Он повернулся к Ральфу: – Ну правда же? Правда?

Прежде чем Ральф успел ответить, Эрни отвлекся от своих упражнении и выпалил:

– Я разрешаю тебе, командир! Давай!

Лицедей уже открыл рот, чтобы обрушить на младшенького поток брани, как вступился Дэн:

– Слушайте, мы, кажется, пришли сюда, чтобы готовить-

ся? Хватит уже – пора начинать. Еще раз последнюю сцену. Зачинай, отец!

Братья вышли на середину. Лицедей, сердито бормоча себе под нос, взял скрипку и заиграл вступление.

Вскоре все увлеклись, и разговор был забыт. Старательно топая ногами, танцоры опять вздымали к потолку клубы пыли.

А за окошком, замотанная в шарфы и занесенная снегом, сидела миссис Бюнц и, с упоением вслушиваясь в музыку, записывала последовательность движений.

Глава 3. Приготовления

1

Состязание между морозом и снегом всю следующую неделю продолжалось. Обе части Мардиана упоминались в прессе как островки самой холодной погоды в Англии.

Сидя наверху в своей комнате, леди Алиса раздраженно давала приказания жалким остаткам прислуги замка Мардиан: кухарке, горничной, уборщице и старому мужлану-садовнику, у которого имелся сын. За исключением этого юнца, все в доме были весьма преклонного возраста. Пора было начинать приготовления к ночи двадцать второго декабря. Для этого следовало: сварить из сидра пунш, испечь особые праздничные пироги, разгрести снег во дворе, поставить столбы, на которых будут укреплены факелы, а кроме того, сложить большой костер. С самым внимательным видом выслушав свою госпожу, слуги принялись делать все по-своему, словно и не слышали наставлений хозяйки.

Мисс Мардиан только вздыхала – кажется, она считала всю эту суету лишь скучной и нудной обязанностью и тем не менее, как и все в поместье, терпеливо мирилась с ней. В конце концов, с этим обычаем – танцем Пятерых Сыновей,

или, как его еще называли, средой Скрещенных Мечей, – было ненамного больше возни, чем с праздником Урожая.

Миссис Бюнц и Камилла Кэмптон все еще жили в гостинице «Лесной смотритель». Иногда Камилла дружелюбно беседовала с немкой в гостиной, да и Трикси была с гостьей вполне любезна. Хозяин гостиницы – по всему, человек покладистый – был рад уже тому, что она у него остановилась, и не требовал больших денег.

Обнаружилось, что автомобиль миссис Бюнц неисправен, а тянуть его на буксире к автостоянке Саймона Бегга, что располагалась в миле от Восточного Мардиана, в Йоуфорде, невозможно из-за непроходимых дорог. По слухам, дела у Саймона шли не слишком хорошо, и в последнее время он вынашивал планы перенести свою станцию в Кузнецову Рошу. Лицедей, однако, даже слышать об этом не хотел.

В конюшне каждый вечер продолжались репетиции. В гостиничных номерах было отлично слышно, как там топают ногами, звенят колокольчиками и зудят на скрипке. Любопытство заставило миссис Бюнц пускаться на хитрости. Сначала она рассеянно бродила по гостиной, потягивала у камина сидр, делала пометки в своем увесистом дневнике. При этом топот ног и пиликанье скрипки так соблазняли ее, что у бедняги чуть не кружилась голова. Так она выдерживала минут десять, после чего начинала демонстративно зевать, извинялась и, изображая, что падает от усталости, поднималась к себе в комнату. Лестницу на задней стене дома она

обнаружила уже давно и спустя несколько минут, никем не замеченная, благополучно спускалась по ней на задний двор.

В одном из отсеков конюшни владелец гостиницы держал склад. К нему вела выложенная кирпичом дорожка – в зимнее время замерзшая и ужасно скользкая.

Смотровое окошко, которое нашла для себя миссис Бюнц, было наполовину скрыто нависающей соломенной крышей. Ей удалось немного очистить стекло от пыли. И там, дрожа от волнения и холода, она простаивала целые вечера, делая заочневшими пальцами пометки в своем дневнике.

К сожалению, удовольствие, которое исследовательница при этом получала, было неполным. Во-первых, от ее дыхания стекло то и дело запотевало, а во-вторых, через него было видно только помещение склада да еще проем двери, соединяющей его с конюшней. Именно через этот проем ей приходилось смотреть на танцующих, что было чертовски неудобно. Танцоры то появлялись в нем, то исчезали, а то кто-нибудь из сопровождавших танец – Лицедей, доктор Оттерли или Конек – вставал в дверях и загоразивал собой остальных. Прямо хоть ложись и умирай от досады!

Постепенно ей удалось установить, что это не один танец, а несколько. Сначала исполнялся традиционный моррис, для которого они прикрепляли к ногам колокольчики, а уж затем следовал танец с мечами, местами переходящий в мимический спектакль. Один момент этого спектакля ей было всегда отлично видно: когда Лицедей в роли Шута – или

Старика – засовывал голову в решетку скрещенных мечей. В этот момент все – Пятеро Сыновей, Бетти и Конек – собирались вокруг него тесным кружком, и он что-то им говорил. Похоже, это был какой-то отрывок из старинного присловья, чудом сохранившийся и пронесенный сквозь века. Миссис Бюнц видела, как шевелятся его губы – каждый раз он проносил одну и ту же фразу. Казалось, она все бы отдала, лишь бы услышать, что он говорит.

Она отлично изучила пьесу. После шутового отрубания Лицедею головы участники вновь принимались танцевать, и на этот раз солировали Бетти и Конек. Иногда Конек так расходился, что заскакивал в помещение склада, и его железные, похожие на клюв челюсти клацали чуть ли не перед самым носом миссис Бюнц. Иногда то же самое проделывал Бетти, вздымая своими юбками тучи пыли. Но всегда после этого опять вступали Сыновья, и в определенный момент вставал и «воскресал» Лицедей. На этом, по всей видимости, действие спектакля заканчивалось.

После репетиции мужчины обычно возвращались в гостиницу. Как-то раз миссис Бюнц решила отказаться от своего подглядывания, а наоборот, как бы случайно «засидеться» в баре. Она надеялась, что возбужденные спектаклем актеры начнут живо его обсуждать. Но уловка не удалась. Сначала они и в самом деле громко и не таясь разговаривали, но из их нестройного хора ей удалось разобрать лишь отдельные слова – вот тут-то фольклористка поняла, что такое настоя-

щий диалект. А затем танцоры и вовсе примолкли – видимо, Трикси сделала им знак, что она здесь. После чего девушка, как всегда, с самым приветливым видом подошла к ней и спросила, не хочет ли мадам чего-нибудь еще, но взгляд у нее при этом был такой, что миссис Бюнц невольно почувствовала острое желание подняться к себе наверх.

Но вот в один прекрасный день, как показалось ей самой, она поймала за хвост удачу.

В тот вечер, примерно в полшестого, миссис Бюнц спустилась в бар, чтобы посидеть у камина и закончить небольшую статейку для американского издательства – под названием «Гермафродитизм в европейском фольклоре», – и обнаружила там Саймона Бегга, который задумчиво склонился над записной книжкой и вечерней газетой, раскрытой на результатах бегов.

Незадачливая путешественница уже пыталась вести с ним переговоры насчет починки ее автомобиля. Разумеется, в душе она рассчитывала на большее, а именно вытянуть из него информацию о персонаже, который он изображал. Приветствуя его, она не удержалась от чисто тевтонского радушия.

– So!⁸ – радостно воскликнула немка. – Что-то вы сегодня рано, командир.

Он изобразил нечто вроде поклона, поерзал и покосился на Трикси. Миссис Бюнц заказала сидр.

– На улице все метет и метет... – мило, по-домашнему

⁸ Здесь: Вот так так! (нем.)

сказала она.

– Да уж, – согласился механик, после чего решительно заговорил о деле: – Что-то мы никак не возьмемся за вашу машину, миссис... э-э... Бюнц. Но пока мы ее не перегоним...

– Да это, собственно, не к спеху. Все равно не рискну ехать обратно, пока не установится погода. Знаете ли, моя «букашка» не любит снега.

– Вообще-то, если честно, вам не помешало бы занять побольше кубов...

– Простите?

Бегг повторил на более понятном языке. Оказывается, он просто предлагал ей поменять автомобиль на более мощный. У него как раз есть такой – он собирался продать его одной бабуле, которая едва умеет крутить руль.

Миссис Бюнц вполне могла позволить себе приобрести новую машину. Но самое важное для нее сейчас было соотносить эту покупку с возможностью расширить свои познания в области ритуальных танцев. Разумеется, она не стала разочаровывать Бегга, который весьма оживился, как только разговор зашел о купле-продаже.

– В самом деле, – мечтательно протянула миссис Бюнц, – если бы у меня была машина с более мощным мотором, я бы чувствовала себя гораздо увереннее. Наверное, я бы смогла спокойно и без напряжения преодолеть скользкий подъем на подъездах к замку Мардиан...

– Ну уж это с полпинка, – уверил ее Саймон Бегг.

– Простите?

– Да, говорю, об этом даже смешно упоминать. Разве ж это подъем?

– Я хотела сказать, в среду вечером подъехать к замку Мардиан. Если, конечно, будет открыт доступ для зрителей.

– Да хоть вся деревня может приходить. – Бегг несколько смутился. – Дом открыт для всех.

– К несчастью, к моему огромному разочарованию, я не поладила с Лицедеем. И, увы, с госпожой Алисой тоже...

– Ну и не переживайте, – пробормотал он и поспешно добавил: – Ничего там такого не будет – сплошное баловство.

– Баловство? Пусть баловство. Но кроме того, – с жаром продолжала миссис Бюнц, – кроме того, это бесценная жемчужина фольклора, редкий, чудом доживший до наших дней обряд... Я еще никогда не встречала, чтобы в танце участвовало пять мечей вместо обычных шести. Это же уникальный случай!

– Скажите пожалуйста! – вежливо отозвался Саймон. – Так что, миссис Бюнц, как насчет автомобиля?

Каждый из них гнул свою линию. При этом немка делала невероятные усилия, чтобы разобрать жаргон механика.

– Прежде мне бы хотелось, – с живым интересом сказала она, – чтобы вы описали мне это авто.

– Завтра я пригоню его сюда и вы все посмотрите сами.

Они обменялись многозначительными взглядами.

– А скажите мне, – решила наконец миссис Бюнц, – вы,

как я полагаю, в этом танце исполняете роль Конька?

– Угадали. Вот это партия, скажу я вам... Работка не из легких...

– Вы, наверное, изучали фольклор?

– Я? Да господь с вами.

– И вы играете?! – выразительно изумилась она.

– Только в этом танце. Лицедей и леди Алиса ведь не останут. Да и обидно, если все это у них заглохнет.

– Еще как обидно! Это была бы просто трагедия, скажу я вам! Грех! Я ведь, мистер Бегг, большой знаток и почитатель этого дела. Мне бы столько хотелось у вас спросить... – При этих словах голос миссис Бюнц, несмотря на все ее потуги казаться спокойной, дрогнул от волнения. В глазах ее появился почти безумный блеск, она наклонилась к собеседнику и, стараясь говорить как можно более небрежно, прошептала: – Скажите мне, вот в момент жертвоприношения, когда Шут умоляет Сыновей пожалеть его... Произносятся какие-то слова, не так ли?

– Ого! – Саймон бросил на нее пристальный взгляд. – А вы и впрямь большой знаток этого дела.

Миссис Бюнц принялась, захлебываясь, объяснять, что все европейские мимические обряды имеют общие корни и что в этом месте танца было бы естественно услышать короткую речь.

– Вообще-то у нас не принято болтать лишнее, – пробормотал он. – И потом, там такая дребедень – ничего стоящего.

Детский лепет. Очень вам это нужно?

– Уверяю вас, вы можете не сомневаться в моей осторожности. Так есть там слова или нет?

– Да Лицедей гонит какую-то лажу, а остальные – молчком...

Бедная женщина, в голове которой не прекращалась отчаянная борьба с обрушившимся на нее потоком жаргонных словечек, в мольбе протянула к Беггу свои пухлые ручки.

– Милый, любезный мой продавец машин, – пропела она, не преминув напомнить ему о своих покупательских возможностях, – не будете ли вы столь благородны и щедры, чтобы сообщить мне, что именно он «гонит»?

– Честное слово, миссис Бюнц, я не знаю, – сказал он с искренним сожалением. – Честное слово! Он всегда говорит одно и то же. Бормочет что-то, бормочет – ничего не понять. Думаю, и его парни навряд ли знают. Может, что иностранное или в этом роде.

Лицо миссис Бюнц вполне могло бы сейчас украсить обложку журнала под названием «Крушение надежд».

– Если это иностранный язык, я бы могла перевести... Я владею шестью европейскими языками. Gott in Himmel⁹, мистер Бегг, ну что же это может быть?!

Внимание собеседника вдруг привлекло лежавшее перед ним на столе расписание заездов на предстоящих бегах. Лицо его загорелось, и он ткнул в газету пальцем.

⁹ О господи! (нем.)

– Взгляните! – воскликнул он. – Вот так номер! Нет, вы только посмотрите!

– Не вижу без очков...

– В четверг в час тридцать состоится забег, – вслух зачитал Бегг, – «Тевтонский Танцор на Субсидии Большой Тевтоподмены!» Ну дают!

– Не понимаю...

– Ну, лошадь, – объяснил Саймон, – беговая лошадь. Просто такое совпадение. Или, может, знак?

– Знак? – переспросила она, уловив знакомое слово.

– Да, и кажется, для меня совсем неплохой. Ведь вы из тевтонцев, миссис Бюнц?

– Да, – терпеливо кивнула она. – Тевтонка.

– А мы с вами как раз говорили о танцорах, так? И еще я предложил вам поменять ваш автомобиль на другой. А если вы согласитесь, то я буду в некотором роде субсидирован – ведь так? Это же колоссально!

Миссис Бюнц порылась в карманах и извлекла очки.

– Ага, я поняла. Вы собираетесь поставить на эту лошадь?

– В точку попали!

– «Тевтонский Танцор на Субсидии Большой Тевтоподмены!» – медленно прочитала она, круглое лицо ее вытянулось. – Вы правы, мистер Бегг, все это более чем странно. Очень возможно, что ваше предположение не лишено смысла и это действительно какой-то знак.

Посетив церковь в последнее воскресенье перед средой Скращенных Мечей, Камилла отправилась к деду в Кузнечову Рошу. Пробираясь по сугробам, она сначала подбадривала себя песней, пока не охрипла, а потом весело насвистывала – до тех пор, пока от мороза у нее не потрескались губы. Всю неделю, не пропустив ни одного дня, она усердно трудилась над ролью, которую ей предстояло сыграть в показательном спектакле в конце следующего семестра. В церкви, как и рассчитывала, девушка встретила Ральфа. Они улыбнулись друг другу, и после этого органист – он же деревенский почтальон – показался Камилле потомком Орфея и Святой Цецилии: до того чистые, прямо-таки небесные звуки он ухитрялся извлекать из своих дудок. Ральф сдержал обещание и не подходил к ней слишком близко, но из церкви она уходила в спешке, так как боялась, что если он успеет выйти до нее, то обязательно дождется и перехватит. Этого никак нельзя было допустить – ведь она еще так и не разобралась в своих намерениях.

Выглянуло солнце. По пути ей попались пара снегирей, стайка воробьев и сорока. Где-то в глубине леса раздался выстрел. Над рощей мисс Кэмптон заметила струйку дыма, по которой можно было отыскать кузницу даже по воскресеньям.

Дед и двое неженатых дядей, наверное, как раз вернулись из йоуфордской церкви.

В одном месте от основной дороги отделялась узкая тропинка, по которой можно было срезать путь через лес. Камилла решила ею воспользоваться, но не успела пройти и нескольких шагов, как услышала где-то совсем рядом глухие рыдания. И тем было ужаснее их слышать, что плакал не ребенок, а взрослый человек, мужчина.

Он даже не пытался сдерживаться – стоны и всхлипывания так и вырывались из его горла. Камилла почти сразу догадалась, кто это был, и, поколебавшись немного, пошла на звук. Обогнув небольшой ельник, она увидела своего дядю – Эрнеста Андерсена. Он плакал над трупом дворняги.

Собака лежала перед ним, накрытая холстиной, и только с одной стороны торчал ее облезлый безжизненный хвост.

Эрни сидел на корточках, и его большие руки безвольно свисали между колен. По грязному лицу были размазаны слезы. Заметив Камиллу, он, как ребенок, завыл еще громче.

– Боже мой, Эрни! – воскликнула Камилла. – Что с твоей бедной псиной!

Он бросился что-то сбивчиво ей рассказывать, но говорил на таком невообразимом диалекте, что разобрать было почти невозможно – приходилось только догадываться, о чем идет речь. Он злился на своего отца. Кажется, всю неделю отец только и знал, что твердил ему о его собаке – мол, она большая и ее нужно пристрелить. Эрни даже слушать его не хо-

тел и целыми днями болтался по морозу вместе с несчастной животинкой, чтобы не оставлять ее одну. Но сегодня утром собака каким-то образом ускользнула от него и побежала к кузнице. Там-то ее нашел Лицедей и тут же пристрелил. Эрни услышал выстрел. Камилла живо представила, как он бросился на звук, с диким воем продираясь через кусты. Навстречу ему вышел отец с ружьем и велел снести тушку в лес и схоронить. После этих слов рассказ Эрни стал совсем бессвязным. Камилла могла лишь догадываться о том, что произошло потом. Очевидно, Крис встал на сторону отца, сказав, что собака действительно была совсем уже плоха и на самом деле Лицедей только избавил ее от лишних мучений. Эрни, вне себя от горя и злости, унес тело своей любимицы в лес.

– Вот ей-богу, – теперь уже более связно говорил Эрни, вытирая рукавами лицо, – ей-богу, я поквитаюсь с ним за это. Злыдень он, убивец, гад ползучий, а не человек вовсе. Так и давит меня, ровно муху, на каждом шагу – убивец проклятый. Грешен, да еще и гордится этим. Будет ему кара, доктор не зря говорит...

– Господи, да что ты такое несешь? – вскричала Камилла.

– Из меня и Лицедей лучше, чем из него. Уж куда лучше. Ноги у меня резвее, да и вывожу покрасивше него. А доктор говорит, он все равно не жилец. Сам себя изведет – помоги ему господи.

– Эрни! Успокойся! Ты сам не знаешь, что говоришь. Ну

зачем тебе эта роль? Шута ведь должен играть старик. А ты – Сын.

Эрни вытянул руку. Покрасневшими от мороза пальцами он осторожно приподнял собачий хвост.

– А если я хочу, – он прищурился на Камиллу, – если я хочу умереть, а потом опять воскреснуть?

«Ну это уже просто лажа!» – подумала Камилла, а вслух сказала:

– Это же просто спектакль. Старинный танцевальный обряд. Вроде того как мы украшаем дом омеловыми ветками или едим сливовый пудинг... Ничего другого, Эрни. Взаправду ведь никто не умирает.

Эрни сдернул с трупа собаки мешок. Камилла с визгом отшатнулась и бросилась прочь.

– А это, по-твоему, что? – выкрикнул Эрни. – Или она тоже – не взаправду?

– Похорони ее! – сорвалась на визг Камилла. – Похорони скорей и постарайся забыть. Какой ужас!

Девушка почувствовала, что больше не может здесь оставаться.

– Прости, Эрни. Я ничем не могу тебе помочь. – Она повернулась и пошла по тропинке к кузнице, с огромным трудом сдерживаясь, чтобы не припустить бегом. Ее подташнивало.

Тропинка шла через поляну, где Камиллу поджидал какой-то человек. «Романтический образ», – невольно подума-

ла девушка – такой он был бледный и решительный.

– Ральф! – Ее глаза засветились упреком. – Ну как ты мог! Ты же обещал мне... А ну-ка уходи.

– Не уйду. Не могу я больше, Камилла. Я видел, как ты свернула в рощу, и специально прошел по другой дороге, чтобы тебя встретить. Извини, Камилла... Я просто не смог удержаться, а потом подумал, что это вообще какая-то дурь. Более того, мне нужно кое-что тебе сказать... – Лицо его переменилось. – Эй! Милая моя, что с тобой? Вроде я не похож на разбойника. Почему у тебя такой испуганный вид?

У Камиллы вырвался нервный смешок.

– Наверное, это скучно слушать, но только что в лесу я видела такую мерзость, что меня чуть не стошнило.

Ральф взял ее руки в свои, и девушка с облегчением положила голову к нему на грудь.

– И что же ты такое видела, моя бедная малышка?

– Там был Эрни с мертвой собакой, и он говорил о смерти...

Она подняла на него беспомощный взгляд и заплакала. Ральф невольно вскрикнул и еще крепче прижал ее к себе.

Из кузницы вышел человек в черном костюме и тут же застыл на месте с удивленным и недовольным видом. Это был Лицедей.

За день до среды Скрещенных Мечей леди наказала своему престарелому садовнику взять косу и срезать на месте представления торчащий из снега сухостой – там были целые заросли чертополоха и шиповника. Садовник – мужественного вида шотландец, обладавший поистине железной волей и весьма угрюмым нравом, – ответил ей, что от немилосердного обращения коса затупилась.

– Миледи, – именно так он к ней всегда обращался, – ничего, чай, не получится. Стану я, что ли, руки марать да свой живот класть за эту вашу затею?

– Но ты же можешь наточить косу.

– И как вы только можете такое говорить... Я – да наточить?

– Тогда отнеси ее Вильяму Андерсену.

– За что мне еще такое наказание? Видал я этих безбожных тварей – язычники проклятые, скачут ровно обезьяны...

– Если ты это про среду Скрещенных Мечей, Макглашан, то хватит уже, наслушалась. Немедленно отнеси косу в кузницу. И если сам Вильям занят, то пусть хоть кто-нибудь из его сыновей этим займется.

– Чтоб им – мою косу? Да ни в жизнь. Только самому кузнецу. Они же только все спортят. Эх! Все они там во грехе погрязли – вместе со стариком...

– А что, у вас на Севере не было танцев с мечами?

– Что я, грешник, что ли, – смотреть на бесовские пляски?

Не видал я.

– Ладно. Макглашан, отнеси косу и иди убирать двор.

Кончилось тем, что косу понесла Дульси. Вернувшись из кузницы, она сообщила, что Лицедея уже день как нет дома. Косу она оставила Эрни, строго предупредив его, что точить ее должен только отец.

– Вы только подумайте, тетя Акки, за двадцать лет это в первый раз, чтобы перед самой средой Скращенных Мечей Вильям уехал в Биддлфаст. Попросил Дэна подвезти его на автобусную станцию. В деревне все только и говорят об этом. Решили, что он поехал к Стейне насчет завещания. Может быть, Ральф что-то знает.

– Счастливчик – у него еще есть что завещать. Вот мне, как ты знаешь, Дульси, и оставить-то нечего...

– Знаю, тетушка Акки. А поговаривают, что Вильям-то и вправду богат. Только он такой скупец, что все прячет. Подумать только!

– Не ожидала от тебя такого, Дульси, – чтобы слушать всякие сплетни...

– И еще, тетя Акки: эта немка так и живет в гостинице. Все вынюхивает у каждого встречного про Пятерых Сыновей.

– Она и сюда небось зайвится, чтобы посмотреть. А потом еще учредит какую-нибудь дурацкую гильдию... Бывают ведь такие бабы – к пятидесяти годам уже выживают из ума.

Корчит из себя идиотку.

– И Лицедей так думает – мне Крис сказал.

– Старик, как всегда, прав. Вильям Андерсен – парень не промах.

– А можно ее как-нибудь выпроводить, если она придет?

На это леди Алиса лишь злобно щелкнула вставными челюстями.

– А эта юная особа тоже все еще там? – спросила она.

– Вы про внучку Вильяма Андерсена?

– Черт возьми, а про кого же еще?

– Ну да, она там. Все говорят, она такая хорошенькая...

и вся такая... в общем...

– Так прямо и скажи – девица больше похожа на леди, чем на простолюдинку.

– Говорят, даже не просто похожа, тетя Акки.

– А ты, дура, так и поверила?

– Говорят, она на самом деле леди.

– Фу ты ну ты, какие мы нежные и утонченные. Что, девица больше похожа на Кэмпионов, чем на Андерсенов?

– Да нет, она вылитая мать, но Нед Кэмпион воспитал ее как леди. Престижная школа и все такое... Говорят, она с отличием училась в Париже.

– О, лягушатники, те научат... Как она сошлась с нашими кузнецами?

– Вроде бы она их не чурается. Говорят, старый Вильям хоть и делает суровый вид, а сам без ума от внучки. И ее из

кузницы калачом не выманишь. Наверное, происхождение дает себя знать...

– Боже, какая же ты снобка, Дульси. Это же только делает ей честь. Единственное, чего бы мне не хотелось, это чтобы в этом был замешан Ральф.

– А почему вы думаете, что...

Леди Алиса смерила племянницу презрительным взглядом.

– Это Сэм мне сказал – его отец.

– Священник?

– Да, он священник, Дульси. Но кроме того, он еще и твой зять. Или ты уже совсем потеряла память? Так вот, Ральфа видели с этой девицей в Сандауне. Все прыгал вокруг нее. Мне это совсем не нравится.

– А вы говорили с Ральфом, тетя Акки?

– Да уж говорила. И об этом и кое о чем еще, – удовлетворенно хмыкнула леди Алиса, – о чем, как он думал, я не знаю. Ведь он у нас Мардиан, господин Ральф, если его мать действительно вышла замуж за пастора. Развратник!

Взгляд Дульси сделался масляным.

– Боже правый! – воскликнула она. – Так Ральф – развратник?

– Гм, иди-ка ты лучше садись за свои кружева, – проскрипела леди Алиса и презрительно добавила: – Старая дева...

Дульси, впрочем, ничуть на нее не обиделась. Вместо этого она бросила взгляд на часы – одни из многих, что укра-

шали стены тетиной комнаты.

– Вот уже завтра среда Скрещенных Мечей... – мечтательно сказала она. – Пройдет каких-то двадцать четыре часа – и Пятеро Сыновей будут исполнять свой танец... Подумать только!

4

Закончилась последняя репетиция, и танцоры переглянулись, удовлетворенно отдуваясь. Доктор Оттерли сел на перевернутый ящик, отложил скрипку и принялся набивать свою трубку.

– Неплохо, – прогудел старик Вильям. – Хотя могло бы быть и лучше. – Он повернулся к младшему сыну. – Вот, к примеру, Эрни, – ткнул он пальцем. – Ты у нас, конечно, Разгонщик, но кто тебе сказал, что ты тут главнее всех? Мог бы и поскромнее. Махаешь руками, ровно граблями... Но-сишься как угорелый. А ну, покажи свой меч.

– И не подумаю! – фальцетом крикнул Эрни. – Это мой меч.

– Никак ты опять его наточил? Ну-ка дай сюда. Наточил?

– На то ж он и меч?

Братья принялись всячески увещевать младшего. Мол, что это за безобразие, мол, дело Разгонщика толпы – расчищать место для танцев, а не лезть в каждую дырку... А Ральф и доктор Оттерли плеснули масла в огонь, заявив, что в дру-

гих графствах Разгонщику вообще не полагается меч и вместо этого он орудует метлой. Что уж тут говорить про Эрни, который мало того что машет напропалую своим мечом, так ко всему прочему наточил его как бритву. Это же просто опасно для окружающих!

Разгорелся шумный спор. Миссис Бюнц в своем укромном местечке за окном вся сжалась, словно зверь перед прыжком. Наверняка они спорят о ритуале очищения! А ей, как назло, почти ничего не слышно. Господи, до чего же ей сейчас хотелось войти, обнаружить себя, присоединиться к их спору!

Эрни лишь угрюмо молчал и поглядывал из-под бровей на отца. Временами он бросал преданные взгляды на Саймона Бегга, который, казалось, совершенно не интересовался происходящим. В конце концов Эрни пришлось подчиниться и отдать меч, и опять последовали новые взрывы негодования. Миссис Бюнц из своего убежища увидела, что на конце стального лезвия имеется отверстие, в которое продета и завязана узлом красная лента.

– А что, как кто-то из нас невзначай размахнется да схватится по ошибке за лезвие? – кипятился старший Андерсен. – Так ведь и пальцев лишиться недолго. Скажи, доктор?

– Да не кто-то это будет, а я! – пробасил Крис. – Я же иду рядом с Эрни. Стало быть, мне быть без пальцев...

– Не говоря уж обо мне, – добавил отец.

– Погоди-ка, погоди, – прервал их доктор Оттерли. – Дай

мне взглянуть поближе. – Осмотрев меч, он задумчиво поглядел на его владельца. – И зачем ты так сильно его нато-чил?

Эрни ничего не ответил, а только протянул руку, чтобы взять меч обратно. Поколебавшись, доктор Оттерли отдал клинок. Эрни поспешно схватил оружие, спрятал его за спину и отступил, бросая на отца огненные взгляды. При этом он ворчал и матерился себе под нос.

– А ну-ка ты, чурбан неотесанный, – процедил сквозь зубы старик Вильям, – быстро отдай мне игрушку. Я жду. Сперва мы затупим ее, а уж потом будешь с ней цацкаться. Понял?

– Не отдам.

– А вот и отдашь!

– Отвяжись.

– Ну уймись же, Эрни. Отдай ему меч – что тебе, трудно?

– Сперва скажи ему, чтоб отстал.

– Хорош, хорош, будет вам! – зашумели братья.

– Лучше оставь его сейчас, Лицедей, – посоветовал доктор

Оттерли.

– Еще не хватало – оставь! Кто здесь главный? И не собираюсь я его оставлять – ишь чего удумал, паршивец!

Он двинулся на непокорного сына. Миссис Бюнц затаила дыхание, пытаясь понять, относится ли эта сцена к языческому фольклору или нет. Сейчас ей было видно только Лицедея и его младшего сына – остальные Андерсены ушли из «кадра». На заднем плане, с трудом различимые, мелькали

лица доктора Оттерли, Ральфа и Саймона Бегга. Она услышала, как Саймон крикнул:

– Не дурите!

Ральф попытался удержать Лицедея. Но было поздно. Резким движением тот метнулся к сыну. На несколько секунд дверной проем загородила мощная фигура Дэна Андерсена. Потом была какая-то неразбериха – мелькали только руки, головы. Затем она услышала чей-то визгливый голос. Как потом оказалось, он принадлежал Эрни Андерсену:

– Что, руки теперь в крови? Руки в крови, да? Только не говори, что это из-за меня! Убивец – он завсегда в крови. Не спрячешь свои руки – по локоть они в крови у тебя!

После этого в дверном проеме показался сам старик Андерсен.

Голова его свесилась на грудь, плечи тяжело вздымались – казалось, он едва дышал. Правую руку он держал перед собой. На ней темнела глубокая рана, из которой струилась кровь. Миссис Бюнц видела, как она капает на пол.

Проворнее обычного она покинула свой пост и вернулась в гостиницу.

5

В ту ночь Камилла плохо спала. В обрывках снов ей являлись дохлые собаки, которые зловеще вставали между ней и Ральфом или устраивали дикие пляски с колокольчиками

на тощих ногах. Еще она видела Пятерых Сыновей, сошедших с фотографии, той, что висела за дверью в баре, и таинственно улыбавшуюся миссис Бюнц. А потом к ней подошел гермафродит, накрыл ее своей широченной юбкой и куда-то потащил. На передний план грозно выступил Щелкун – железный Конек. Вытянув свою птичью голову, он кляцнул железными зубами прямо возле носа Камиллы. В конце концов он так приблизился к ней, что ее сон не выдержал и лопнул. Когда она проснулась, сердце ее колотилось, как молот по наковальне.

На часах мардианской церкви пробило полночь. По занавеске пробежало круглое пятнышко света – видимо, кто-то шел по двору с фонариком. Послышался скрип снега под ногами и еще шорох, как будто по снегу что-то волокли. Камилла, которая теперь уже совсем проснулась, изо всех сил напрягла слух. Ну и времечко же они выбрали! Опять скрип, хлопанье носом, шорох по снегу – и снова фонарик обшарил занавеску. Тут уж, несмотря на холод, она вскочила с кровати и, подбежав к окну, отдернула занавеску.

Из горла у нее вырвался хриплый вскрик, как бывает у людей во сне. Впрочем, то, что она увидела, было и в самом деле похоже на сон, причем тот самый, от которого она минуту назад проснулась: под окном, освещенный фонарем, стоял Щелкун – железный Конек...

Глава 4. Скрещенные мечи

1

С самого утра в среду Скрещенных Мечей с неба безудержно валил снег. К полудню, однако, снегопад прекратился и даже выглянуло бледное зимнее солнце.

Очень странная история вышла с косой. Никто толком и не понял, что произошло. Садовник Макглашан послал своего сына в кузницу, чтобы тот забрал косу. Вернувшись, парень передал от Эрни Андерсена, что Лицедей работу еще не выполнил, но с косой будет все в порядке, кроме того, они с братьями сами расчистят площадку для танца. Садовник же, несмотря на то что до того всячески отказывался от противной его душе работы, теперь вдруг разобиделся и удалился в свой старенький вонючий домишко на краю деревни, где, по своей привычке, надулся на весь мир.

Утром Нэт с Крисом прибыли в замок Мардиан, расчистить снег. Макглашан из вредности запер в сарае садовый инвентарь, но с разрешения госпожи Алисы, которая лично спустилась во двор, чтобы проследить за работой, замок был быстро взломан и все необходимое извлечено. Вскоре в своем полуразвалившемся грузовике прибыл Саймон Бегг, ко-

торый привез остальных братьев, а кроме того, кучу хвороста для костра. Костер сложили с внешней стороны зубчатой стены так, чтобы его было немного видно через полуразрушенную арку. Кроме того, огонь должен был освещать селянам дорогу обратно.

Факелы, изготовленные в кузнице по старинному рецепту из дегтя, камеди и бечевки, установили по кругу вокруг площадки, где должен был исполняться танец. После этого Андерсен и Саймона Бегга пригласили пройти в комнату для прислуги, где леди Алиса, разумеется не без помощи Дульси и старух-служанок, угостила их знаменитым праздничным пуншем.

К сожалению, не нашлось ни одной достаточно утонченной души, которая бы смогла понять и оценить попытки Саймона Бегга отмежеваться от братьев Андерсенов и прослыть перед хозяевами светским человеком. Все потуги оказались тщетны. Леди Алиса, которая сама была чистейших кровей дворянкой, не привыкла задумываться о классовой принадлежности окружающих ее людей – сословия для нее были определены и незыблемы, как континенты и расы. В ее сознании они существовали как некая данность. Следовательно, делать вид, что ты принадлежишь к одному сословию, тогда как на самом деле относишься к другому, не имело никакого смысла – это было равносильно тому, если бы китаец стал прикидываться каким-нибудь зулусом. При всем своем замечательном уме леди Алиса была совершенно бесчувственна

и не способна думать об отвлеченных материях. Впрочем, ей стукнуло уже девяносто четыре, и она вообще старалась поменьше думать. Единственное, что она твердо знала и помнила, – это что дед, а затем отец Саймона Бегга последние пятьдесят лет снабжали ее бакалейными товарами. О Саймоне она слышала только, что он пошел служить в армию, откуда возвратился, чтобы служить в отцовском магазине. Неудивительно, что она разговаривала с ним в покровительственном тоне, не замечая, как больно это его ранит. Знаком внимания с ее стороны стал лишь упрек в его адрес за то, что он назвал ее «госпожой Алисой» вместо «мадам».

С Дульси, которая знала, что он держит автостоянку и доблестно отслужил в воздушных силах, он заговорил на совершенно непонятном ей языке. В ответ она рассеянно заметила, что, насколько ей известно, Саймон предпочел бензин бакалейным товарам... О, наверное, это было нелегко – выиграть британскую войну... Она хотела сказать что-то еще, но ее смутил Эрни, который стоял рядом с летчиком и хихикал над каждым его словом.

Саймон многозначительно улыбнулся Дульси и дернул Эрни за рукав.

– Что-то мы слегка переутомились, мисс Мардиан, – сказал он, покосившись на Эрни, – уж так выложились, пока готовились вчера к представлению...

Эрни снова засмеялся, а Дульси сказала:

– Неужели?

Похоже, она не поняла, на кого намекал Саймон, говоря «мы».

Бегг слегка наклонился и заговорил тише:

– Бедняга наш Эрни! А ведь раньше он был моим денщиком – да-да, мисс Мардиан. Правда, старина Капрал? Слушай, пойди-ка подсоби этим красоткам, Эрни. – Он указал на служанок.

Эрни, гордый оттого, что его любимый герой обратил на него внимание, с отмашкой отдал честь и удалился.

– Честное слово, я тронут, – пытался убедить ее Саймон. – Он ходит за мной прямо как собака – одному богу известно почему. Конечно, все, что в моих силах, я для него делаю...

Дульси еще более рассеянно пробормотала:

– Неужели? – и поспешно отошла.

Дэн подозвал братьев, поблагодарил госпожу Алису, и они собрались идти.

– Эй, – крикнула старуха, – подождите-ка. Если я правильно поняла, вы собираетесь скосить эти джунгли?

– Так точно, мэм, собираемся, – подтвердил Дэн. – Эрни как раз хотел прийти сюда после обеда с вашей косой.

– То-то же. Как там отец?

– Не так чтобы очень, мэм. Но думает, что к вечеру поправится.

– А если он не сможет – как тогда?

– Я могу за Шута, – с ходу выпалил Эрни. – Сыграю еще лучше, чем он. У меня точно получится. Я знаете, как хочу...

Братья, по своей привычке, принялись урезонивать его. В конце концов им удалось вытеснить младшенького из комнаты во двор. Саймон весьма картинно раскланялся с госпожой Алисой и горячо ее поблагодарил. Однако его ждало очередное разочарование.

– Не стоит благодарности, Бегг, – буркнула дама. – Надеюсь, торговля идет хорошо? Передавайте привет вашему отцу.

Собрав все свое самообладание, механик бросил тактичный взгляд на Дульси, и та вмешалась в разговор:

– Старший мистер Бегг умер, тетя Акки. Магазином занимается кто-то другой.

Леди Алиса только и вымолвила:

– Да? Как же это я запомнила... – после чего коротко кивнула Саймону и заковыляла прочь.

Их с Дульси ждал ленч. В окно они видели, как окруженный сердито гогочущими гусями грузовик Саймона отъезжает со двора.

Снег наконец был расчищен. Посередине, в ожидании танца Пятерых Сыновей, возвышался Мардианский дольмен¹⁰. Заросли шиповника и чертополоха так и не скосили. Эрни не выполнил обещание и не явился к трем часам с косой. Уже начинало смеркаться. В полпятого Дульси, разго-

¹⁰ Дольмены – погребальные сооружения эпохи бронзы и раннего железного века в виде огромных каменных глыб, поставленных вертикально и покрытых сверху массивной плитой.

ряченная последними приготовлениями, выглянула в окно и воскликнула:

– Тетя Акки! Тетя Акки! Они что-то забыли там, на камне!

Но леди Алиса как раз задремала и только пробормотала в ответ нечто невразумительное.

Тогда Дульси, поразмыслив, накинула старое пальто и выбежала во двор. В небольшой нише памятника, которая в бытность служила, по-видимому, местом для жертвоприношений, она обнаружила обезглавленного гуся.

2

К восьми часам во дворе особняка собралась почти вся деревня. Обычно леди Алиса приглашала на среду Скрещенных Мечей своих соседей из близлежащих графств, но в этом году из-за снежных заносов на дорогах они предпочли остаться дома. Они даже не могли позвонить ей по телефону и извиниться – линия была неисправна. Между собой они согласились, что, конечно же, леди Алиса «все поймет». Старуха не только поняла – она была даже этому рада.

Без всякого преувеличения к вечеру во дворе собралась вся деревня – не меньше полусотни человек. По сложившейся традиции доктор Оттерли, так же как и Ральф со своим отцом, обедали в замке. Почтенный преподобный отец Сэмюэл Стейне приходился госпоже Алисе неродным внучатым пле-

мянником. Двадцать восемь лет назад он имел смелость влюбиться в старшую сестру Дульси Мардиан, поселился в замке и в конце концов женился на ней. Это был очень деликатный и немногословный человек, который ни на букву не отступал от проповедей – леди Алиса глубоко презирала его за то, что он не ездил на охоту.

После обеда, в котором скудная закуска компенсировалась отменными винами, Ральф извинился и вышел. Ему надо было подготовиться к выступлению. Остальные расселись в гостиной, пили кофе и потягивали ароматный бренди. Без четверти девять явилась престарелая горничная и сообщила, что танцоры почти готовы.

– Думаю, мы прекрасно все увидим через окно, – сказал доктор Оттерли хозяйке дома. – Сегодня чертовски холодно. А отсюда и так все видно. Позвольте?

Он отодвинул портьеру.

Это было равносильно тому, если бы они сидели в театре и он открыл занавес перед какой-нибудь блестящей пьесой. Восемь факелов и костер ярко полыхали в темноте, отбрасывая на снег золотистые отблески. Слева и справа стояли зрители, и от их фигур по зубчатым стенам плясали тени. Посреди двора возвышался Мардианский дольмен, который так искрился инеем, будто его покрасили какой-то волшебной краской.

– Этот юнец, – проклацала челюстью леди Алиса, – так и не скосил чертополох.

– И я догадываюсь почему, – покивал доктор Оттерли. – Взгляните – как вам? По-моему, прекрасный вид из окна. Может, лучше остаться в доме?

– Спасибо. Я уж как-нибудь выйду.

– Но это неразумно.

– Ваше дело – на скрипке играть.

– Слушаюсь. Ох уж мне эта молодежь – до чего ж вы все упрямы!

Старуха хихикнула. Дульси укутывалась поверх пальто в бесчисленные шали.

– Старик Вильям все еще плох, – продолжал доктор Оттерли. – Я уверен, что с его сердцем ему никак нельзя выходить на улицу, а уж тем более исполнять Шута. Я даже стал нарочно отказываться играть – все ради этого старого пня. Я-то думал, это его остановит, но он, кажется, готов отплясывать даже со скрипкой в руках. Пожалуй, я все-таки сыграю сам. Вот, возьмите программки. Мне они, видит бог, не нужны.

Вошла горничная с подносом, на котором лежало свернутое письмо.

– Это для доктора Оттерли, мадам, – поклонилась она.

– Черт возьми, кого еще там угораздило заболеть? – проворчал доктор и развернул листок.

Это оказался один из старых счетов, которые Лицедей обычно присылал своим клиентам. Крупными неровными буквами на нем было выведено:

Не смогу придется дать Эрни. В. А.

– Ну вот! – воскликнул доктор Отгерли. – Вот он и сдох.

– Лищедей! – вскричал преподобный отец.

– Да-с, Лищедей. Надо срочно что-то предпринять. Простите, леди Алиса. Сейчас мы все уладим. Не волнуйтесь. Чудесный был обед. До свидания.

– О боже! – воздел глаза преподобный отец. – Что же они будут делать?

– Сын Энди Андерсена заменит одного из Сыновей, – сказала Дульси. – Так у них, кажется, было предусмотрено.

– А этот идиот Эрни, – проскрежетала леди Алиса, – похоже, действительно будет за Шута. Тоска!

– Ах, бедный Эрни! Какое горе для них всех! – прошептал преподобный отец.

– Я тебе говорила, Сэм, – он убил одного из гусей?

– Я не знал, что это сделал он, тетя Акки.

– А кто же еще? У кого бы другого хватило на это ума? Ладно, потом с ними разберусь. Надо идти, – постановила старая дама. – Одевай меня.

Дульси принялась напяливать на старуху столь же древнее пальто и укутывать ее шерстяными шарфами и шальями. Затем она натянула ей на ноги отороченные мехом ботинки, на руки – рукавицы, а на голову – старенькую шерстяную шапку с помпоном. После этого Дульси и преподобный отец за-

кончили одеваться сами, и троица вывалилась на крыльцо.

На крыльце рядом стояли стулья, и против каждого из них горела растопленная жаровня. Когда зрители расселись, горничная укрыла им ноги пледами, а сама удалилась в дом, чтобы посмотреть представление из окна. Умный человек не станет лишним раз торчать на морозе.

От их дыхания кверху поднимались ровные столбики пара. Толпа деревенских была едва различима за морозной дымкой. Ветер доносил дым от большого костра, и его приятный запах смешивался с горячим духом разогретой смолы.

Мардианский дольмен темнел на фоне белого снега. Окруженная факелами сцена для танца выглядела как настоящие театральные подмости.

Леди Алиса, с трудом приподняв закутанную руку, выкрикнула:

– Всем добрый вечер!

В ответ по двору покатилося нестройное:

– Добрый вечер... Добрый вечер, мэм...

Артисты должны были появиться из арки, что находилась как раз за Мардианской плитой. Уже сейчас можно было разглядеть там их беспокойно движущиеся тени.

Троица просмотрела свои программки. Там было напечатано:

ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕСТОЯНИЕ

Мардианский моррис Пятерых Сыновей

Исполнители:

ШУТ Вильям Андерсен

БЕТТИ Ральф Стейне

ЩЕЛКУН Саймон Бегг

СЫНОВЬЯ Даниэль, Эндрю, Натаниэль, Кристофер и Эрнест Андерсены, последний – РАЗГОНЩИК ТОЛПЫ.

Мардианский моррис, или, точнее, моррис Скращенных Мечей, ежегодно проходит в первую среду после зимнего солнцестояния. Этот древний языческий обычай дошел до наших дней и объединяет в себе черты многих обрядовых танцев и мимических пьес.

Порядок действия:

1. Общий выход Пятерых Сыновей

2. Моррис

3. Выход Бетти и Щелкуна

4. Импровизация Щелкуна

5. Выход Шута

6. Первый танец с мечами

а) разбитое зеркало

б) оглашение завещания

в) смерть

7. Импровизация Бетти

8. Соло – Д. Андерсен

9. Второй танец с мечами

10. Воскрешение Шута

Дульси отложила программку и огляделась.

– Ну, кажется, все сегодня здесь, – сказала она. – Смотрите, тетя Акки, – вон там Трикси из «Лесного зрителя» с отцом, а с ними внучка старика Вильяма.

– Камилла? – спросил преподобный отец. – Чудесная де-вушка. Нам она очень нравится.

– Особенно хороши брюки, – проворчала леди Алиса.

– Но это, вероятно, лыжные брюки, тетя Акки. Для такого мороза вполне подходяще.

– А эта женщина там? Немка?

– Миссис Бюнц? – вежливо осведомился преподобный отец. – Я лично ее не вижу. Но вообще-то... Она так рвалась сюда, что я думаю!..

– Если бы я могла ее не пустить, Сэм, я бы сделала это не задумываясь. Это не женщина, а настоящая чума!

– Уж это точно...

– Кто это там едет? – перебила пастора Дульси.

Они услышали, как на гору с натужным ревом въезжает машина и при этом еще истошно гудит. Судя по звуку, она остановилась за воротами двора.

– Интересно! – сказала немного погодя Дульси. – Приехали, а заходить не хотят. Подумать только!

Ее размышления были прерваны неожиданным ропотом в толпе зрителей. И вот под гулкие аплодисменты из арки появился доктор Оттерли со скрипкой в руке.

Неожиданно из-за стены послышались возбужденные мужские голоса. Доктор остановился как вкопанный, а затем вернулся обратно в арку.

– Пospешил, что ли? – раздался чей-то голос.

По толпе прокатился смешок, в то время как за стеной продолжали разоряться – теперь уже кричал один. Часы над старой конюшней мелодично пробили девять. Доктор Оттерли вышел снова и на этот раз, предварительно царапнув смычком по струнам, заиграл.

Музыка, сопровождающая танец Пятерых Сыновей, веками передавалась из поколения в поколение, и каждый новый скрипач прибавлял к ней какой-нибудь свой ход или мелодический рисунок, однако основной мотив сохранялся. До сих пор никому не удавалось записать его и включить в какой-либо сборник, как, впрочем, и сам танец. Деревенским это бы и в голову не пришло, а сами танцоры на протяжении всей истории хранили тайну. Это была очень красивая музыка и весьма подходящая к действию. После нескольких вступительных аккордов появился Разгонщик толпы.

Он был наряжен мавром, а в руках держал меч. Поверх белых брюк танцор надел нечто вроде шотландской юбки. На ногах у него позванивали колокольчики, а на голове красовалась шапка – такая же черная, как и лицо. Разгонщик принялся прыгать, вышагивать, крутиться и все время «разгонял толпу» – махал в воздухе мечом – так, что стоял свист. Впрочем, махал он не просто так: под его ловкими ударами

то в одну, то в другую сторону падали сухие кусты шиповника и чертополоха. Прыгая по кругу, он звенел колокольчиками и сверкал своим острым мечом. Это был настоящий слуга чистоты, предтеча...

– Так вот почему Эрни не скосил чертополох, – проворчала леди Алиса.

– Господи, – заныла Дульси, – что же там у них такое? Ну же... – Она изо всех сил вглядывалась в лицо «мавра». – И все-таки это не Эрни. Он же должен быть Шутом. Кто же это, Сэм? Тот парнишка?

– В таком обличье и не узнаешь, – пожал плечами преподобный отец. – Но судя по его прыти, это Эрни.

– А вот и остальные Сыновья.

Вышли еще четверо танцоров, одетых точно так же, как Разгонщик толпы. Положив свои мечи у ног доктора Отгерли, они начали отплясывать Мардианский моррис – в морозном воздухе поднялся топот и звон. Они танцевали без задора, но со странной сосредоточенностью, которая придавала танцу особую неповторимость.

Когда они закончили, зрители разразились гулкими аплодисментами. Затем все пятеро сняли колокольчики. Разгонщик толпы продел сквозь дырку на кончике своего меча алую ленту. Братья тоже взяли свои мечи, уже украшенные такими же лентами, и подняли их вверх.

Так они замерли – похожие на скульптурную группу в стиле рококо. Скрипач сменил мотив. Теперь из арки появился

Конек Щелкун и Бетти. Они двигались рядом. Бетти являл собой традиционную для английских моррисов мужеженщину – такую же чернолицую, как и остальные. Верхняя часть у него была мужская, а нижняя – совершенно женская. Его огромная, похожая на шатер юбка начиналась от самых подмышек и подметала подолом землю. Голову его украшала шляпа – нечто среднее между цилиндром и дамским током. На правой руке – мужская перчатка, а на левой – женская, и то же самое с обувью.

– Надо же, – покачал головой преподобный отец. – И как это Ральфу удалось сотворить с собой такое!

– А вот и Щелкун...

– Можешь не сообщать нам, кто это, Дульси, – раздраженно сказала леди Алиса. – Мы и без тебя видим.

– Я всегда его так любила... – безмятежно сказала Дульси.

Железная голова, больше напоминающая птичью, нежели лошадиную, громко клацала челюстями. Свисающая с туловища холстина оставляла на земле следы растопленной смолы. Похожий на крысиный, хвост задорно торчал.

Щелкун бросился на зрителей. Девушки притворно завизжали и ухватились друг за друга. Некоторые парни крепко держали своих невест и специально подставляли их Коньку, чтобы тот вымазал их смолой. Другие девушки сами делали вид, что зазевались, и позволяли себя намазать. После этого они шумно возмущались и недоумевали. Таким образом молодежь разыгрывала старинную пантомиму «ухаживание».

– Нет, вы только посмотрите, тетя Акки! Он погнался за этой Кэмпией, и она по-настоящему от него убегает! – воскликнула Дульси.

Камилла и вправду без всякого кокетства убегала от Щелкуна. Клацанье отвратительного клюва за спиной и запах горячей смолы подгоняли ее. Кажется, вчерашний сон повторился наяву. Она металась то в одну сторону, то в другую, и везде толпа смыкалась перед ней и вставала стеной. Конек подпрыгнул, и под холстиной она увидела ноги в брюках и черные от смолы руки. Ей совершенно не хотелось пачкать свою одежду. Поэтому она снова сорвалась и побежала, а Щелкун припустил следом. Вокруг еще сильнее зашумели.

Камилла искала пути к отступлению. Но рядом были только перекошенные от смеха лица, в которых плясали отблески факелов.

– Нет! – кричала Камилла. – Нет!

Чудовище нагоняло ее. Из последних сил девушка пробежала через двор и угодила прямо в объятия Ральфа Стейне, одетого в свой невообразимый наряд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.